

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ЛАБИРИНТ ОТРАЖЕНИЙ

Пуск

RU

20:00

Сергей Васильевич Лукьяненко

Лабиринт отражений

Серия «Диптаун», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119457
Лукьяненко, Сергей Васильевич. Лабиринт отражений :
[фантастический роман]: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-099431-1*

Аннотация

Еще несколько лет назад виртуальный мир был выдумкой фантастов...

Еще совсем недавно даже в горячечном бреде никто не спутал бы иллюзию с реальностью...

Но теперь виртуальный мир вполне реален.

В нем есть свои преступники и защитники закона.

В нем существуют собственные любовь и дружба, война и предательство – и даже известное противостояние добра и зла!

Юмор, приключения, острый сюжет...

Содержание

Часть первая	5
00	5
01	6
10	46
11	51
100	71
101	91
110	97
111	107
1000	114
1001	118
1010	125
Часть вторая	133
00	133
01	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Сергей Васильевич Лукьяненко Лабиринт отражений

*Наша работа во тьме —
Мы делаем, что умеем,
Мы отдаем, что имеем,
Наша работа – во тьме.
Сомнения стали страстью,
А страсть стала судьбой.
Все остальное – искусство
В безумии быть собой.
Гимн хакеров, русский вариант*

© С.В. Лукьяненко, 1997

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

Дайвер

00

Хочется закрыть глаза. Это нормально. Цветной калейдоскоп, блестки, искрящийся звездный вихрь – красиво, но я знаю, что стоит за этой красотой.

Глубина. Ее называют «дип», но мне кажется, что по-русски слово звучит правильнее. Заменяет красивый ярлычок предупреждением. *Глубина!* Здесь водятся акулы и спруты. Здесь тихо – и давит, давит, давит бесконечное пространство, которого на самом деле нет.

В общем-то она добрая, *глубина*. По-своему, конечно. Она принимает любого. Чтобы нырнуть, нужно не много сил. Чтобы достичь дна и вернуться – куда больше. В первую очередь надо помнить – *глубина* мертва без нас. Надо и верить в нее, и не верить. Иначе настанет день, когда не удастся вынырнуть.

Первые движения – самые трудные. Комната небольшая, стол стоит посередине, жгуты проводов от компьютера тянутся к УПС – установке бесперебойного питания, в углу, и дальше – к розетке. Тонкий провод уходит к телефонной линии. У стены, под роскошным ковром, – тахта, у открытой двери на балкон – маленький холодильник. Самое необходимое. Пять минут назад я проверил, что лежит в холодильнике, так что голод в ближайшие сутки мне не грозит.

Я поворачиваю голову налево, направо – на мгновение в глазах темнеет, но это лишь секунда. Ничего. Бывает.

– Все в порядке, Леня?

Динамики отрегулированы на максимум, я морщусь, отвечаю:

– Да. Тише звук.

– Звук – тише, – соглашается «Виндоус-Хоум», – тише, тише...

– Хватит, Вика, – останавливаю я. Хорошая программа. Послушная, понятливая и доброжелательная.

Не без самомнения, как вся продукция «Майкрософта», но с этим приходится мириться.

– Удачи, – говорит программа. – Когда тебя ждать?

Я смотрю на экран – там, в ореоле оранжевых искр, плывет женское лицо. Молодое, симпатичное, но, в общем, ни-

чего особенного. Устал я от красоты.

– Не знаю.

– Я бы хотела иметь десять минут на самоконтроль.

– Хорошо. Но не более. Через десять минут мне понадобятся все ресурсы.

Лицо на экране морщится – программа вычленяет ключевые слова.

– Только десять минут, – покорно говорит «Виндоус-Хом». – Но я вновь обращаю твое внимание, что уровень поставленных задач не всегда соответствует объему моей оперативной памяти. Желательно расширение до...

– Утихни. – Я встаю. «Утихни» – это безусловный приказ, после него программа спорить не смеет. Шаг влево, шаг вправо... Ха-ха. Нет, это не попытка к бегству, это скорее добровольное заточение. Я дохожу до холодильника, открываю дверцу, достаю банку «спрайта», открываю. Напиток холодит горло. Это почти ритуал – *глубина* всегда сушит слизистую. С банкой в руке я выхожу на балкон, в теплый летний вечер.

В Диптауне почти всегда вечер. Улицы залиты светом реклам, тихо рокочут несущиеся машины. И идут, идут сплошным потоком люди. Двадцать пять миллионов постоянного населения – самый крупный мегаполис мира. С высоты одиннадцатого этажа лиц не разглядеть. Я допиваю «спрайт», кидаю банку вниз и возвращаюсь в комнату.

– Неэтично... – бормочет компьютер. Не реагируя, я вы-

хожу в прихожую, обуваюсь, открываю дверь. Подъезд пустой и светлый, очень-очень чистый. Пока я вожусь с замком, в полуоткрытую дверь пытается влететь крошечный жучок. Ага. Ламеры развлекаются. Я с иронией наблюдаю за настырным насекомым – из квартиры дует ровный поток воздуха, вынося его обратно. Наконец дверь закрыта, жучок в последнем усилии бьется в нее, короткая вспышка – и насекомое падает на пол.

– Подать жалобу владельцу дома? – спрашивает «Виндоус-Хоум». Теперь голос идет из серебряных заколок на лацканах моей рубашки.

– Подавай, – соглашаюсь я. Все забываю объяснить программе, что владельцем дома являюсь я сам.

Лифт ждет меня на этаже. Обычно я спускаюсь по лестнице... заглядываю по пути в чужие квартиры. Там ведь все равно никто не живет... но сейчас я спешу. Лифт опускается – очень быстро. Выхожу на тротуар, оглядываюсь – может быть, увижу любителя насекомых? Но никого подозрительного нет, все спешат по делам. Жучок явно залетный, серийной работы. Их травят на улицах, бьют в квартирах, но они не переводятся.

Я и сам когда-то развлекался подобной ерундой. Очень-очень редко жучкам удавалось принести интересную информацию.

– Леня, на имя компании «Поляна» поступила жалоба от квартиросъемщика номер один.

– Игнорируй, – бурчу я, наблюдая за идущим по тротуару мужчиной. Да, это нечто! Гибрид Арнольда Шварценеггера в молодые годы и Клинта Иствуда в пожилые. Очень, очень смешно. Мужчина ловит мой насмешливый взгляд и ускоряет шаги.

Я поднимаю руку, и через мгновение у тротуара притормаживает желтый лимузин.

– Леня, твоя жалоба компании «Поляна» проигнорирована!

– Ладно. Ничего.

Это может продолжаться бесконечно долго, а мне сейчас не до игр... Я сажусь в машину, водитель – улыбчивый парень с безупречной прической и в накрахмаленной рубашке – поворачивается ко мне. Предпочитаю таких таксистов, вышколенных и немногословных.

– Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас!

Имени он не называет – программа остановила такси анонимно.

– Как будете оплачивать счет?

– Вот так, – говорю я, доставая из кармана револьвер. Сильно быю парня в висок. Он пытается защититься, но не успевает. Я смотрю на его побледневшее лицо, встряхиваю за шиворот, приказываю:

– Квартал «Аль-Кабар».

– Данного адреса не существует, – говорит водитель. Он «оглушен» и покорен.

– «Аль-Кабар». Восемь-семь-семь-три-восемь. – Простенький код открывает доступ к служебным адресам «Дип-проводника». Я мог бы и не бить водителя, но тогда в файлах компании осталась бы информация о поездке.

– Заказ принят. – Водитель улыбается, он вновь весел и услужлив. Машина трогается. Я смотрю в окно – мелькают жилые кварталы, набитые небоскребами со всякой мелкой шушерой Диптауна, огромные, роскошные офисы компаний. Вон длинные серые корпуса IBM, пышные дворцы «Майкрософта», ажурные башни «Америка Он Лайн», более скромные офисы прочих компьютерных законодателей.

Конечно, полно и офисов фирм по продаже мебели, жратвы, недвижимости, туристических агентств, транспортных компаний, клиник... мало-мальски жизнеспособная компания стремится открыть в Диптауне свое представительство.

«Дип-проводник» процветает именно на этом изобилии. Путешествовать по городу пешком – долгое развлечение. Мы мчимся по автострадам, тормозим на перекрестках, сворачиваем в туннели и пересекаем развязки. Я жду. Можно было бы приказать водителю ехать кратчайшим путем – но тогда он вынужден был бы связаться с диспетчерской. И я оставил бы след...

Город обрывается внезапно – словно стену дворцов и небоскребов отсекают исполинским ножом. Кольцевая дорога, за ней – лес. Густой, дремучий... отделяющий от суеты тех, кто не хочет себя афишировать.

– Притормози, – говорю я, когда мы минуем манговые заросли и проезжаем мимо вполне среднерусской чащобы. – У следующей тропинки.

– До квартала «Аль-Кабар» еще далеко, – говорит водитель.

– Останови.

Машина останавливается. Я открываю дверь, отхожу от лимузина на шаг. Водитель покорно ждет. И я тоже – про света на дороге. Зачем нам свидетели? Вот, наконец-то...

Я целюсь в машину, стреляю. Револьвер бьет негромко, отдача слабая, но машина мгновенно вспыхивает. Водитель сидит, глядя перед собой. Несколько секунд – и у «Дип-проводника» становится одним такси меньше.

Хорошо. Пусть все выглядит как развлечение пьяной шпаны. Я иду в лес.

– Неэтично... – бормочет из булавок «Виндоус-Хоум».

– Ты оптимизировалась?

– Да.

– Все, теперь мне нужна помощь. Ищи тайник, код «Иван».

– Светящееся дерево, – сообщает программа.

Я озираюсь. Ага. Вот он, огромный дуб, мерцающий колдовским синим светом. Мерцающий лишь для меня. Я подхожу к нему, засовываю руку в дупло, вынимаю большой тяжелый сверток. Переодеваюсь в полотняную белую рубаху и штаны, подпоясываюсь узорчатым поясом. Короткий меч

в ножнах, несколько вещичек в карманах. Тайник я создал пару дней назад, незаконно использовав один из компьютеров транспортного управления закавказской железной дороги. Там слабые программисты, они долго не заметят этого маленького вторжения.

– Где ручей? – спрашиваю я.

– Справа.

Я склоняюсь над бегущей водой, смотрю в отражение. Несколько раз бью по нему ладонью, потом начинаю водить пальцем, стирая свой облик. Вместо меня из дрожащего зеркала прорисовывается русоволосый статный крепыш. Лицо добродушно и незатейливо до отвращения.

– Спасибо, – говорю я программе, выпрямляюсь. Стою, люблюсь лесом. Черт возьми, как давно я не выбирался из городского смрада...

– Не меня ли ты ждешь, добрый молодец? – спрашивают из-за спины. Оборачиваюсь – из густых кустов выходит огромный, по грудь мне ростом, волк.

– Может, и тебя, – говорю я, любуюсь волком. Черт возьми, великолепен! Он действительно серый, и не просто серый – именно чернистого с проседью волчьего цвета. Кое-где шерсть свалялась, к передней правой лапе пристал репейник.

– А не съесть ли мне тебя, добрый молодец? – спрашивает волк и скалится. Клыки желтые, как зубы курильщика, один обломлен под корень. Матерый, опытный волчище.

– Что ты попусту похваляешься, на богатырский меч нарываешься? – импровизирую я. – Лучше службу сослужи!

Волк улыбается, садится.

– А чем расплатишься, богатырь?

– По три тысячи зеленых, – сообщаю я. Волк удовлетворенно кивает, трет лапой морду. Спрашивает:

– «Аль-Кабар»?

– Угадал.

– Миссия?

– Кража.

– А кто заказчик?

Я пожимаю плечами. Ответ столь же риторический, как и вопрос. Заказчики огласки не любят.

– Попробуем, – решает волк. – Ты готов?

– Вполне.

– Садись.

Я забираюсь на спину волка, и тот неторопливой рысцой бежит по лесу. Я инстинктивно уворачиваюсь от веток, волк тонко хихикает. Ладно, пусть веселится.

Через пару минут мы выскакиваем из леса. Под ногами – желтый песок. Жарко, очень жарко, порывы ветра заставляют щуриться. Впереди – пропасть метров в сто шириной, за ней – восточный город. Минареты, купола, все в оранжево-желто-зеленых тонах. Довольно красиво. Невдалеке через пропасть переброшен... хм... ну назовем это мостом. Тонкая, как струна, нить. Один ее конец на стене, опоясываю-

щей город, другой держит в руке безобразная каменная статуя метров десяти вышиной. Морда у статуи отвратительная.

– Еще та будет работка, – замечает волк. – Ты не प्रदेशивил, Иван-Царевич?

– А бог его знает... – изучая статую, говорю я. – О мосте меня предупредили...

– Что воровать-то?

– Наливные яблочки...

– А, вот к чему такой маскарад... – Волк снова хихикает. – А что в яблочках?

– Не знаю. – Я спрыгиваю со спины волка, стою, держа руку на шерсти. – Слушай, я на секунду, лимонада попью...

– Валяй, – озираясь, говорит волк.

Я прикрываю глаза.

Глубина-глубина, я не твой... Отпусти меня, глубина...

Я дернулся, встал. Перед глазами – крошечные экранчики, на них – пустыня, пропасть, статуя, город вдали. Очень неплохо нарисовано. У «Аль-Кабара» хорошие дизайнеры.

Виртуальный шлем тяжелый, это самая «навороченная» модель из серийно выпускаемых «Сони». С прекрасными цветными экранами, великолепными динамиками и встроенным микрофоном, с кондиционером, обдувающим лицо воздухом нужной температуры. Сейчас это жар пустыни... Я снял шлем, положил на стол, рядом с клавиатурой компьютера. На мониторе появилось знакомое женское лицо, из динамиков донеслось:

– Леня, ты прерываешь погружение?

– Нет, жди.

В реальном мире моя комнатка такая же, как и в виртуальном пространстве. Только за окном не летний вечер Диптауна – дождливая питерская осень. Моросит мелкий дождик, сигналист вдали машина. Я открыл холодильник, взял банку «спрайта». Попью по-настоящему... Не удержавшись, выглянул с балкона. Пустой банки, которую в виртуальном пространстве я выкинул на улицу, там, конечно же, нет. Что ж, устраним различия.

Волосы были потные, я вытер их валяющейся на стуле рубашкой, сел за компьютер, проверил кабель, идущий от виртуального костюма на дип-плату компьютера. Костюм работал, слегка притормаживая движения, словно я шагал по песку. Левую ногу подволакивало чуть сильнее – опять сбоит программа. Ладно, потом откалибруем.

Надевать шлем – все равно что совать голову в духовку. Вот гаденыши из «Аль-Кабара», окружили себя максимально неприятными условиями...

Я вновь смотрю на виртуальный мир, но пока он условен, как дешевый мультик. Зернистое изображение, красивый, но грубоватый рисунок. Большого компьютер вытянуть не может.

Да и не надо. Что такое *глубина* без человека?

Я моргнул, расслабился, пытаюсь войти в виртуальность самостоятельно. Конечно, ничего не получается. Я не в пу-

стыне, я дома за клавиатурой... Пришлось протянуть руку и набрать команду.

deep

А теперь – «ввод».

Поверх пустыни вспыхивает многоцветье дип-программы. Секунду я еще вижу экранчики, мягкую подкладку шлема, потом сознание начинает плыть. Мозг пытается сопротивляться, но куда там! Дип-программа действует на всех.

Вот только попадаются – с частотой один на триста тысяч – люди, не утрачивающие до конца связи с реальностью. Способные самостоятельно выплывать из *глубины*. Дайверы.

Я, например.

Волк ухмыляется мне.

– Промочил горлышко, богатырь?

– Да.

Оглядываю себя – все ли в порядке? Мое тело в виртуальности – нехитрый рисунок, транслируемый компьютером на ту или иную точку Диптауна и его окрестностей. А вот меч на поясе и вещички в сумке – не просто рисунок. Это «ярлычки», пусковые фрагменты программ, которые сейчас станут необходимы.

– Действуем так, – решаю я. – Через мост я иду сам. Потом выношу трофеи, и сматываемся.

– Тебе решать, – соглашается волк.

Я иду по песку, горячий ветер не унимается, даже кажется, что песчинки покалывают глаза. Это уже не заслуга шле-

ма. Это мой мозг воспринимает то, что должен был бы воспринимать в настоящей пустыне.

Статуя все ближе и все реальнее. Рогатая голова с оскаленной пастью, бугристые от каменных мускулов лапы. Ифрит, наверное. Слабоват я в арабской мифологии. В левой руке ифрита сжата тонкая нить.

Мост из конского волоса.

Начинаю карабкаться по ноге чудовища. Как нелепо сейчас выглядит мое тело в пустой квартире – подергивающееся, подтягивающееся за воздух... не отвлекаться...

Последний метр – самый трудный. Опираюсь о шипастое каменное колено, пытаюсь уцепиться за ладонь – не получается. Наверняка у законных посетителей «Аль-Кабара» есть какой-то иной путь...

Мне же приходится вначале забираться на гранитный фаллос чудовища. Слышу, как волк хихикает. Блин. Ему смешно...

Наконец я на ладони. Пробую нить ногой она слегка покачивается. Как струна. Внизу, далеко-далеко, скалы и голубая змейка реки.

– Смелее, герой! – кричит волк.

Не могут рядовые виртуальщики ходить по этому мосту. Что-то не так...

Ладонь, на которой я стою, вдруг начинает дрожать и медленно сжимается. Мост-нить дрожит, готовый порваться. А надо мной нависает оскаленная морда ожившего монстра.

– Кто ты? – ревет он так, что закладывает уши. По-русски, между прочим!

– Гость! – кричу я, пытаюсь вырвать ноги из хватки грабитных пальцев.

Монстр хохочет:

– Гость не приходит с запретным!

Указательный палец правой руки несется ко мне, словно намереваясь расплющить. Невольно жмурюсь. Но монстр лишь тычет пальцем в меч.

Да, это не простенькая беззащитная программа-водитель «Дип-проводника». Это отличная сторожевая система с псевдоинтеллектом на порядок лучше «Виндоус-Хоум». Как же он определил мой родной язык?

– Гость не приходит незванным!

– Меня позвали!

– Кто?

Придется идти ва-банк...

– Ты не вправе слышать его имя!

– Я вправе делать все, – сообщает монстр.

И пальцы сжимаются.

Теперь должен произойти выход в реальность. Как следствие «смертельного» воздействия. Иначе – мозг может вообразить самый настоящий болевой шок, со всеми последствиями.

Только самоубийца отключит предохранители дип-программы.

Или дайвер.

Мое изуродованное тело валяется на ладони монстра. Череп расплюсчен, один глаз смотрит в пыльное жаркое небо, другой – в каменный ноготь. Ифрит громко, удовлетворенно хохочет, потом кричит:

– Ты, пришедший в облике волка, запомни его судьбу!

Ага, вот как он определил язык... слышал наши разговоры.

Однако ему не хватило «ума» понять, с кем имеет дело...

Монстр снова каменеет. Я выжидаю еще секунду, потом встаю. Тело медленно собирается воедино. Нормальный пользователь дип-технологии сейчас очнулся бы в реальности, перед укоризненно верещащим компьютером.

Учитывает ли сторожевая программа «Аль-Кабара» *существование* дайверов?

Монстр неподвижен. Я мертв, давно мертв... Осторожно ступаю на волосяной мост...

– Кто ты?

Опять... Видимо, он реагирует именно на касание «моста». Хрен редьки не слаще.

– Тот, кто не в твоей власти, – отвечаю я.

– А в чьей же власти ты?

Что-то новенькое.

– Аллаха, – говорю наугад.

На этот раз монстр прихлопывает меня свободной рукой, так что я частично перетекаю за края ладони. И назидатель-

но произносит:

– Не тебе вспоминать имя Великого, вор.

Волк катается по песку от хохота. Я вижу это тем глазом, что уцелел.

Да, юмор у программы скорее американский, чем арабский. Лежу, размышляя. Встаю снова. Чудовище пока неподвижно.

– Вика, есть обход? – спрашиваю я.

– Это единственный внешний канал, – немедленно сообщает мой компьютер. Голос плывет и теряет интонации... и впрямь надо память докупать... – Все прочие линии «Аль-Кабара» открываются лишь по внутреннему приказу.

– Силовое решение? – Я трогаю рукоять меча. Программа-вирус локального действия крошечная, ее даже не надо перекачивать из дома. Выхватить меч, ударить – и...

– Канал будет разрушен.

Да, конечно. Монстр не зря держит мост в руке. Уничтожь сторожевую программу – волосок над пропастью порвется.

– Зараза.

– Я не поняла.

– Утихни...

Разглядываю монстра. Каменные веки полуприкрыты, из пасти свисает сталактитик слюны. Это лишь видимость, антураж для слабонервных виртуальщиков. Обычная «сторожилка» на входном гейте. Где-то в глубине «волоса» идет канал связи с кварталом «Аль-Кабар». Там несутся сигналы,

приказывающие – пропустить или уничтожить незваного гостя...

– Эй, Иван-Царевич, я спешу! – кричит волк.

Да, надо действовать. Пока программа отбрасывала меня автономно, но на следующий раз, вполне возможно, к делу подключатся настоящие программисты «Аль-Кабара». И виртуальщики, и консерваторы.

– Оживляй тень, – приказываю я.

Темный силуэт на ладони начинает шевелиться, обретает объемность, выпрямляется, наливается красками. Я корчу рожу двойнику, тот гримасничает в ответ.

– Веди тень, – приказываю я. – Ищи пароль.

Секундная пауза – машина ворочает диски, подгружая в память «тени» все, что известно об «Аль-Кабаре». Потом двойник шагает на мост. Конечно, это ничего не даст. Кроме времени.

– Кто ты? – ревет монстр, хватая тень. Я едва уворачиваюсь от движущихся пальцев, ползу по крепко сжатому кулаку, прыгаю на нить...

– А ты кто? – доносится в спину. И взмах правой руки сшибает меня к ногам монстра. Разбиваюсь вдребезги. Лежу навзничь, разглядывая барахтающегося в ладони статуи двойника.

Да, хорошо поработал... качественно...

– Кто ты? – вопрошает монстр повторно.

– Тот, кто не в твоей власти. – Двойник продолжает от-

влекать сторожа.

– А в чьей же власти ты?

– Своей.

Интересно, сколько еще смертей припасено у монстра для воров? Вон какие зубы, рога... хм, ну и фаллос вполне сойдется...

– Зачем же ты пришел сюда?

– Найти власть над собой.

– Пройди же и найди ее.

Рука разжимается, монстр каменеет. Я лежу, глотая воздух. Двойник неподвижно стоит на краю ладони.

– Вика, откуда взяты ответы тени?

– Из открытого файла «Аль-Кабара» «Процедура виртуального прошения о предоставлении работы».

Волк подходит ближе, шепчет:

– Что случилось?

Объясняю.

– Иван-Царевич, а ты, часом, не Иван-дурак? – спрашивает волк.

Крыть мне нечем. Конечно, надо было ознакомиться со всеми файлами. Не только с уворованными данными о внутреннем виртуальном пространстве квартала.

– Вика, слияние, – командую я.

Меня словно втягивает в «тень». Теперь это тело основное. Уже пропущенное на мост.

Впрочем, победа пиррова. Сторож отрапортовал о том,

что посетитель пытается перейти мост. Значит, меня встретят.

А одиночка, пытающийся бороться с толпой, обречен. В любом пространстве, даже в виртуальном.

Ладно, делать нечего. Пора идти... по волосяному мосту. Честно говоря, процедура практически невозможная. Даже для профессионального канатоходца. Мост – это именно нить над пропастью. Башни «Аль-Кабара» вдали заманчивы и недостижимы.

Глубина-глубина, я не твой...

Я закрыл и открыл глаза. Передо мной картинка – пропасть, нить над ней, здания вдали. Даже смешно... Глядя под ноги, я начал аккуратно переставлять ступни по нити.

Просто картинка. Здесь нет гравитации, а у нарисованного тела не бывает центра тяжести. Лить наступай на нить, и все будет хорошо... Забавно, оказывается, дно пропасти почти и не прорисовано... значит, горную реку домысливал я сам... кто-нибудь другой увидел бы под собой пики деревьев или потоки лавы...

Сейчас, когда мое подсознание не участвует в игре, расстояние преодолевается быстро. Полминуты – и я на другом конце моста.

Нить уходит в гребень крепостной стены. Гребень широкий, и на нем уже стоят двое, явно дожидаясь меня. Очень неплохо нарисованы – этикие толстопузые здоровяки с мечами на поясах, один в тюрбане, другой лысый... Ступив на

«кирпичики» стены, я прошептал:

– Вика, включай дип...

Огненные искры перед глазами. Да, злоупотребляю я сегодня отключениями-подключениями подсознания. Завтра обеспечена головная боль, сердцебиение, разбитость. Но ничего. Дожить бы до завтра...

А вот и встречающие – уже в нормальном человеческом образе.

– Ты быстро дошел, гость, – говорит лысый. У него добродушная физиономия араба-охранника из детской постановки «Синдбада-морехода». Второй столь же карикатурно арабизирован, но выглядит куда более зловещим, посверкивает глазами и не отпускает рукоять меча. Да, мне только боевого вируса в машину не хватало...

– Другие доходят медленнее? – спрашиваю я.

– Еще никто не преодолел этой мост, – любезно сообщает лысый охранник. – Это не в человеческих силах – сохранять равновесие на конском волосе.

– Тогда рай пустует, – вздыхаю я. Кажется, уже не я веду события, а они меня. Не нравится мне такой поворот.

– Зато в аду места хватит всем.

Хорошее обещание.

– Пошли.

Что ж, будем подчиняться. Будем послушны и вежливы. В чужой монастырь ведь не лезут со своим уставом...

Вниз со стены ведет широкая крутая лестница. Спускаем-

ся. Добродушный охранник впереди, сопящий недоброжелатель сзади. Старательно его игнорирую, смотрю лишь на лысину добродушного. В аккурат на темечке – большая бородавка. Интересно, она и впрямь нарисована, или это иронизирует подсознание? Но выходить из *глубины* ради проверки такой мелочи неразумно.

Квартал «Аль-Кабар» невелик. В виртуальности он занимает не больше квадратного километра. Это, впрочем, ничего не значит. Некоторые фирмы – тот же «Майкрософт», например – предоставляют сотрудникам для работы целые дворцы. Дешево и эффектно. Другие обходятся такими стандартными комнатухами, что диву даешься – зачем тут вообще виртуальность?

«Аль-Кабар» явно относится к их числу. Я заглядываю в одно из окон низкого каменного здания, мимо которого мы проходим.

Оборудование... слишком незнакомое, чтобы можно было его опознать. Несколько человек за столами. У одного в руках пробирка. Ха, химические опыты в виртуальном пространстве! Что-то новое. Имеет смысл лишь если работа ведется над очень ядовитыми веществами... или с бактериальными средами. Возьмем на заметку.

– Куда вы меня ведете? – интересуюсь у охранника. Лысина не оборачивается, но отвечает:

– К директору корпорации.

Имени он не называет, но и без того сказано многое. «Аль-

Кабар» – транснациональная корпорация, специализирующаяся на производстве лекарств, телефонной связи, кажется – еще на добыче нефти... Несмотря на весь арабский антураж, контролируется она из Швейцарии. Директор ее, Фридрих Урман, личность слишком значительная, чтобы беседовать с каждым посетителем.

Теплая готовится встреча.

Мы останавливаемся у маленькой, увитой виноградом деревянной беседки, сзади меня подталкивают, и я вхожу. Охранники остаются за порогом.

Внутри помещение куда больше, чем снаружи. Огромный павильон, в центре – бассейн, где медленно плавают сонные блестящие рыбы. Рядом столик с двумя креслами. Очень много цветов, я даже начинаю чувствовать запахи.

И никого.

Что ж... подождем. Сажусь в кресло.

Легкая мусть перед глазами... чего и следовало ожидать. Сейчас прощупывают мой канал связи. Пытаются определить, откуда я пришел, объем информации, которую могу принимать и передавать за секунду, присутствующие при мне программы...

Давайте, работайте. Шесть арендованных «на раз» роутеров, через которые пробегает сигнал. И все – достаточно стойкие к взлому. А под конец – платный интернетовский гейт в Австрии, через который я и вошел в виртуальность.

Следы останутся, но никуда не приведут.

Можно в любой момент оборвать связь, «вышвырнуть» меня из квартала. Только что им это даст... все вещички-программки, что находятся при мне, немедленно сработают. Мало что останется для изучения. А я им очень интересен, сомнений нет...

– *Отслежен первый роутер*, – сообщает «Виндоус-Хоум».

Быстро. Качаю головой – и в этот момент кресло напротив перестает быть пустым.

Господин Фридрих Урман пренебрегает арабским колоритом. Он в шортах, цветастой рубашке. Пожилой, сухопарый, серьезный.

– Добрый день... дайвер, – произносит он. По-русски. Голос неестественный, пропущенный через программу-переводчик.

Вот и причина столь высокой чести.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, господин директор.

– Когда полгода назад мы создали мост, это преследовало лишь одну цель, господин дайвер. Обнаружить вас. Человек, находящийся в виртуальности, не смог бы его преодолеть. – Урман скупно улыбается. – Я первый раз вижу настоящего дайвера.

Один-ноль... не в мою пользу.

– А я первый раз вижу настоящего мультимиллионера. Вот видите, наша встреча уже принесла первые плоды.

«Виндоус-Хоум» шепчет:

– *Отслежен второй роутер*.

Урман хмурится – похоже, и ему что-то сообщают. Потом интересуется:

– Простите, через сколько компьютеров вы прошли на пути сюда?

– К сожалению, я не помню.

Урман пожимает плечами.

– Как я могу вас называть?

– Иван-Царевич.

Секундная пауза – потом улыбка. Ему объяснили.

– О, русский сказочный герой! А вы сами – русский?

– Разве это имеет значение?

– Да, вы совершенно правы... Господин дайвер, как я понимаю, вы проникли в наш квартал незаконно...

– Разве? – поражаюсь я. – Честно говоря, просто искал работу. Прочитал ваше объявление, прошел по мосту... подчинился этим странноватым охранникам.

Один-один.

Фридрих Урман всплескивает руками:

– Да... действительно! Но у нас и нет претензии в ваш адрес, господин дайвер. Разве что странные вещи, которые вы носите с собой...

Медленно, демонстративно вытаскиваю все из карманов. Расческа, носовой платок, маленькое зеркальце.

– Вот. Отдать вам меч?

Урман машет руками:

– Господи, к чему? Мы же не собираемся устраивать по-

тасовок, верно? Давайте поговорим...

– *Отслежен третий роутер.*

– Как жаль, что времени на беседу остается все меньше и меньше, – вздыхаю я.

– Да, но времени всегда не хватает. Итак, господин дайвер, у меня есть основания полагать, что некоторые лица хотели бы получить ряд наших разработок. И даже ухитрились нанять дайвера... чтобы пожать чужие плоды.

– Яблочки, – уточняю я.

– Да, именно. У нас работает хороший русский программист, он сделал красивую форму для хранения информации... – Урман хлопает в ладоши, и рядом с нами воздух начинает мутнеть, сгущаться. Миг – и возникает маленькое деревце, усыпанное плодами. – Полагаю, что наибольший интерес вызывает вон то, маленькое зеленое яблочко на нижней ветке.

Я смотрю на вожаемый плод. Он мелкий, незрелый и червивый.

– Как вы думаете, дайвер, сколько могли бы заплатить наши конкуренты за этот файл?

– Тысяч десять, – несколько завышаю цену.

Урман недоуменно смотрит на меня. Уточняет:

– Десять тысяч долларов?

– Да.

– Честно говоря, даже сто тысяч были бы невысокой наградой... Хорошо. Допустим, я предлагаю человеку, пытав-

шемуся украсть файл, сто пятьдесят тысяч. При условии, что он начнет сотрудничать с нами... за нормальную, хорошую плату.

– Это что, лекарство от рака? – спрашиваю я.

Урман качает головой:

– Нет. Тогда бы оно не имело цены. Это лишь средство от простуды, но очень, очень действенное. Мы готовимся начать его производство, но лишь после того, как будут распроданы запасы менее действенных лекарств. Так что вы скажете о моем предложении?

– Боюсь вас огорчить, – стараясь не думать о предложенной сумме, говорю я. – Но кодекс дайверов прямо запрещает подобные договоренности.

– Хорошо. – Урман встает. – Я ожидал подобного ответа. И ценю вашу позицию.

Он подходит к деревцу, с некоторым усилием срывает яблоко. Губы его при этом шевелятся – он явно произносит пароль.

– Берите.

Яблоко в моих ладонях. Тяжеленное – мегабайта два будет. Пытаться скопировать его бесполезно, надо уносить с собой. Сую яблоко за пазуху – то есть пристегиваю файл к своей виртуальной оболочке. Смотрю на Урмана.

– Я иду ва-банк, – серьезно говорит Урман. – Жертвую очень перспективной разработкой. Можете отдать ее господину Шеллербаху и передать большой привет от меня лич-

но. Прошу лить одного – после этого прийти к нам и поговорить о постоянном сотрудничестве. Не буду скрывать, именно сейчас нам очень, очень нужны услуги дайвера.

– *Отслежен четвертый роутер... отслежен пятый роутер... тревога! Тревога! Тревога!*

– Хорошо. – Я тоже встаю. Все очень неожиданно... никогда не предполагал за серьезными бизнесменами таких широких жестов. – Я обещаю, что приду. А теперь, простите...

– Нет, господин дайвер, теперь уж простите меня. Вы спокойно покинете нашу территорию, но лишь после того, как будет установлен ваш настоящий адрес. В целях гарантии данного только что обещания.

Решетчатые стены павильона темнеют, словно на них набросили плотную ткань. Делаю шаг – он дается с трудом. Канал связи не обрубает – притормаживают. Урман начинает двигаться рывками, в глазах все плывет, яблочко за пазухой пригибает к полу, голос «Виндоус-Хоум» глохнет и теряет интонации:

– *Тревога... тре... во... га...*

Вот оно как. Хорошие игроки – мультимиллионеры.

Точнее, их слуги – к числу которых меня собираются приобщить.

– Вика, сбрось детализацию! – шепчу я, продолжая тянуться к столу. Только бы программа поняла, только бы подчинилась без уточнений...

Павильон меняется. Исчезает со стен ажурный узор орна-

мента, цветы теряют бутоны и часть мелких листиков, грубеет текстура рубашки Урмана.

Зато я дотягиваюсь до своих игрушек на столе и хватаю платок. Полезная вещь, эти предметы личной гигиены.

Взмах платка – медленный, словно под водой, и сверкающая плоскость света прорезает засыпающий мирок павильона. Одни зовут эту программку «прилипала», другие – «дорога». Оба определения верны. Программка ищет чужие каналы связи и начинает использовать в моих целях.

Очень, очень новая, редкая и почти безотказная программа.

Часть стены рушится, открывая выход на улицу. Очевидно, я воспользовался каналом связи самого Фридриха. Хватаю зеркальце и расческу, бегу.

Из стены начинают выдвигаться зазубренные острые копыя. Сторожевая программа «Аль-Кабара». Прыгаю – в отчаянной попытке проскочить между копиями.

Глубина-глубина, я не твой...

Кондиционер шлема обдувает лицо ледяным воздухом. На экранчиках – медленно ползущая полоска – процент перекачанной информации, а под ней хищно сжимающееся отверстие – сужающийся канал связи. Вот как на самом деле выглядит красота самых напряженных виртуальных схваток. Полосочки, буковки, циферки. Схватка программ, модемов, байты информации.

Не хочу. Противно и тоскливо.

– Дип! – скомандовал я.

Голова отзывается болью, но – плевать! Я пролетаю между копьями, падаю на пол. Сверкающая лента змеится по улице, руша все на своем пути. Осыпаются здания, с грохотом разлетается стена. Лента перемахивает овраг. Вперед...

Навстречу выскакивают давешние охранники. Оба с мечами, но и я уже вытащил клинок. Чей вирус окажется ловчее и быстрее?

Мой.

Это подарок Маньяка, моего знакомого спеца по компьютерным вирусам. Подарочек убийственный – воздух под ударом клинка вспыхивает и драконьей отрыжкой ударяет по охранникам. Те сгорают мгновенно. Превращаются в черные обугленные остовы.

Любит Маньяк красивые эффекты. Сейчас компьютеры охранников по горло заняты невероятно важной работой – вычислением числа «пи» с точностью до миллиона знаков после запятой. У них даже не осталось ресурсов, чтобы вывести операторов из виртуальности. Прекрасно, полежат в *глубине*, а не подсядут к другим машинам...

– Неэтично... – скорбно шепчет «Виндоус-Хоум».

Бегу по ленте. Канал связи прекрасный, через пару секунд я уже над стеной. Лента под ногами пружинит, подпихивает, торопит. Хохочу, но все же оглядываюсь.

Ого!

Что творится в «Аль-Кабаре»! Улицы заполнены наро-

дом, по ленте уже бегут другие охранники, а из одного здания выползает что-то огромное, змеистое, неприятное. Нет желания всматриваться.

Быстрее...

Лента перемахивает через монстра и дугой упирается в землю. Охранник снова ожил, подергивается, тянет лапы вверх – так что волосяной мост рвется, – но не достает до меня. А сойти с места он не в состоянии – жестко закреплен на своем канале связи.

На последних метрах лента под ногами вдруг начинает трястись и пытается откинуть меня обратно. Программисты «Аль-Кабара» восстановили контроль.

Но уже поздно, я на земле, и ко мне подбегает серый волк. – Садись, Иванушка, драпать пора! – вопит он.

Заскакиваю на волка, оглядываюсь в последний раз. С ленты спрыгивают охранники, над пропастью реет крылатая тень.

– Сакс! – шепчу я излюбленное ругательство виртуальщиков. Сакс – это «повисший» компьютер, не захотевшая работать программа, кислое пиво или уехавший из-под носа троллейбус. В данном случае – столь энергичная погоня. У нас нет времени, чтобы спокойно перекачать содержащуюся в «яблочке» информацию и раствориться в воздухе. Надо бежать, надо путать следы.

Впрочем, мой партнер в волчьей шкуре это умеет.

Мы мчимся по пустыне, потом сворачиваем в лес. За на-

ми несутся размазанные тени – охранники жертвуют устрашающим обликом в обмен на скорость.

– Далеко ли погоня, Иван-Царевич? – спрашивает волк.

– Близо! – признаюсь я.

– Ох, Иван, не вынесу я тебя! – ревет волк. Достая расческу, ломаю в руке и кидаю за спину. Оглушительный треск – зубчики разлетаются, вонзаются в землю и начинают расти, превращаясь в исполинские деревья. Движения охранников между ними становятся вялыми, сонными – пространство перенасыщено внезапно возникшими объектами, и компьютеры врагов вязнут в обилии пустой информации.

К сожалению, фокус этот старый, и методика борьбы с ним прекрасно отработана. Большинство охранников успели сузить поле зрения, или снизить детализацию изображения и проскочили опасное место. Точнее, это сделали не сами охранники, а их дип-программы. Отсеялись в основном непрофессионалы, бросившиеся в погоню из энтузиазма.

– Ох, Иван, силушки мои на исходе! – вопит волк. Не могу понять, он и впрямь волнуется или так азартно играет сказочный сюжет?

Настает черед зеркальца. Когда я швыряю его назад, мой сдержанный «Виндоус-Хоум» вопит:

– Неэтично!

Конечно, неэтично. Еще бы. Это уже не мелкая шалость с быстрорастущими баобабами и даже не локальный меч-вирус. Это логическая бомба изрядной мощности.

Там, куда упало зеркальце, возникает и начинает стремительно расширяться пруд. Часть охранников влетает в него и «тонет», исчезает бесследно. Остальные беспомощно останавливаются на берегу.

В этой области виртуальности наглухо заблокированы все линии связи. Через эту зону не пройти по меньшей мере пару часов – потом пруд пересохнет.

– Где вещички брал? – вопрошает волк.

– У Марьи-искусницы, – поколебавшись, отвечаю я. Честно говоря, именно прозвище и подсказало мне сегодняшний маскарад... Волк не выдаст. А ему тоже могут пригодиться подобные программки.

– Учту, – благодарит волк, быстро оглядывается и спрашивает: – Что у тебя на третье, богатырь?

За нами несется дракон – боевая программа-перехватчик высшего разряда. У дракона три головы – очевидно, три человека-оператора и плюс обычный арсенал – когти, зубы и пламя. Сотня разнообразных вирусов и крепкая защита. Над прудом дракон лишь чуть притормаживает.

– Третье я первым истратил, – признаюсь я.

– А больше взять не мог? В сказочки заигрался, три предмета – и все? – рычит волк. Он не прав, конечно, слишком много боевых вирусов на себе не унесешь. Но у нас обоих сдают нервы.

Волк принимает какое-то решение и резко сворачивает в сторону, еще больше убыстряя бег. Останавливается у ши-

рокого мшистого пня так резко, что я лечу наземь. Оглядывает меня пристальным взглядом и прыгает через пень.

Я предпочитаю пользоваться водой, когда меняю облик. Ручей, река или хотя бы полный ковшик. Но оборотни консервативны.

В воздухе волк переворачивается и превращается в человека. Молодой мужчина в скромном сером костюме и лакированных ботинках. Мой приятель-дайвер, как всегда, элегантен. Едва упав, он поднимается, прыгает вновь и превращается в мою точную копию.

– Вика, ручей! – команду я, сообразив, что он задумал. Но бывший волк уже хватает меня за плечи и с криком «Времени нет!» швыряет через пень.

Подвергаться воздействию чужой мимикрирующей программы – не большое удовольствие. Я едва успеваю шепнуть: «Вика, замри!» – чтобы заботливый «Виндоус-Хоум» не воспротивился перевоплощению.

В шкуре волка я бывал давным-давно, когда виртуальность только образовалась и все баловались метаморфозами. К счастью, становиться на четвереньки не приходится – я меняюсь лишь внешне. Отстегиваю меч, подаю его новому Ивану-Царевичу, тот хватает оружие и вскакивает мне на плечи.

– Ну-ка, сыть, травяной мешок! – вопит он, колотя каблуками. Я бросаюсь вперед, и вовремя – над деревьями показывается дракон. Пикирует на нас и выпускает три струи

пламени. Аккурат по нашему курсу вспыхивает пожар.

– Давай! – вопит мой партнер и шепотом добавляет: – Вечером, где всегда...

Я резко дергаюсь, сбрасываю его и убегая, осыпаясь проклятиями.

Дракон секунду кружит над нами, потом делает нехитрый выбор и опускается рядом со сказочным героем. Трусливый партнер его не интересуется.

Что и требовалось.

Бегу в сторону, шепчу:

– Вика, перекачивай новые файлы!

За моей спиной кипит бой. Впрочем, недолгий. Оборотень успевает задеть дракона мечом, но против защиты программы-перехватчика вирус бессилён. Вокруг оборотня вскипает белое снежное облако, и он замирает.

Заморозка. Все. Мой друг вышел из игры – он уже дома, стягивает виртуальный шлем. А перед оскаленными мордами дракона стоит его копия, вместе со всеми добытыми программами... если бы они, конечно, у него были.

Дракон легонько бьет застывшее тело лапой, и оно рассыпается ледяными осколками. Все три головы склоняются к нему... ищут украденное яблоко.

А я бегу.

Яблоко за пазухой становится все легче – информация утекает на мой компьютер. Петляю между деревьями, потом останавливаюсь, чтобы «Виндоус-Хоуму» было легче пере-

качивать файл.

До меня доносится рев дракона – тот не обнаружил украденного и понял, в чем дело.

Кто быстрее?

Дракон вновь взмывает в небо. Он легко найдет меня – передвижения в виртуальности оставляют следы. Я стою и жду.

– Трансфер файла закончен.

Все. Победа.

– Выход, – командую я.

– Серьезно? – уточняет «Виндоус-Хоум».

– Да.

– Выход из виртуальности, – сообщает компьютер. Перед глазами сверкают разноцветные искры. Мир утрачивает яркость... превращается в блеклую плоскую картинку.

– Ваш выход из виртуального пространства успешно завершен! – радостно говорит «Виндоус-Хоум». Голос из наушников резок и слишком громок. На экранчиках шлема – густая синь с белой фигуркой парящего, или скорее, падающего человека. Известный всем значок дипа, *глубины*, виртуального мира.

Стянув шлем, я поморгал, глядя на монитор. Там – та же самая картинка.

– Вика, спасибо, – сказал я.

– Никаких проблем, Леня, – ответила «Виндоус-Хоум». Этой мелкой любезности я научил ее с неделю назад. Прият-

но, когда программа выглядит более человеческой, чем должна быть.

– Терминал.

Синева сменилась панелью терминала. Я вручную подключился к шестому, устоявшему компьютеру-роутеру и снял свой доступ. Потом аннулировал временный адрес в Австрии.

Основные нити оборваны. Ищите меня, ребята «Аль-Кабара». Пересеивайте файлы в поисках «Ивана-Царевича». Дайвер ушел из капкана.

Уже не пользуясь голосовым управлением, я отключил «Виндоус-Хоум», выпал в трехмерную нортоновскую таблицу, вошел на диск «D», где хранилась вся виртуальная добыча и небольшая коллекция вирусов. Вот оно, «яблочко» – полуторамегабайтный файл. С виду – самый обычный документ для текстового редактора «Адвансед-Ворд». Впрочем, к нему пристегнуты еще два маленьких файла... сторожевые программки? Я запустил сканирующую программу, разработанную именно для таких вот сюрпризов.

Ага. Все верно. Это программы-идентификаторы, которые должны уничтожить файл, если тот окажется на чужом компьютере.

Знаем мы это дело. И давно от него застрахованы – программы-идентификаторы просто не видят моего компьютера. На диске «D» я храню именно такие, опасные вещи.

Внутри самого текстового файла сканер тоже обнару-

жил сюрприз – маленькую программку, предположительно – включающуюся при попытке прочесть информацию. Ничего иного я и не ожидал. Сделал копию файла на магнитную дискету, потом на лазерную. И принялся потрошить яблочко из алькабарских садов.

Убить сторожевые программы без уничтожения текста оказалось невозможно. Пришлось их просто оглушить, привести в нерабочее состояние. Потом я занялся внутренним сюрпризом. Разрезал файл на два десятка кусочков, вычленил программу-сторож. Она оказалась абсолютно незнакомым полиморфным вирусом, который – а это уже было неприятно! – успел таки зацепиться за мой компьютер. Через два часа непрерывной работы, отвлекшись лишь на то, чтобы выпить таблетку аспирина и сходить в туалет, я убедился, что раскрыть вирус не смогу.

Был уже поздний вечер – время, когда хакеры только приступают к работе. Я упаковал вирус с куском текста и позвонил Маньяку.

Пришлось ждать минуты две, пока он снял трубку. Это мне повезло – он вполне мог болтаться по виртуальности, безучастный к звонкам, пожарам, наводнениям и прочим досадным мелочам жизни.

– Да?

– Маньяк, это я.

Голос хакера чуть смягчился.

– Привет, Леня. Что у тебя?

– Новый вирус в твою коллекцию.

– Кидай! – сказал Маньяк и молниеносно кинул трубку.

Я запустил модем и отправил аль-кабарский сюрприз в жадные руки строителя вирусов. Достал из холодильника хлеб, колбасу, пошел на кухню ставить чайник. Наверняка полчаса вирус у Маньяка займет. Минут десять он будет его ломать, а потом минут двадцать любоваться структурой, хохотать, отмечая неудачные решения, и хмуриться, находя те ходы, которые ему самому еще в голову не приходили. Со времен Московской Конвенции, которая смирилась с неизбежным и легализовала изготовление нефатальных вирусов, он занимается их изготовлением. Вирусы у него получаются хорошие, способные завесить любую машину и в то же время не уничтожающие на ней информацию.

Но Маньяк позвонил через три минуты.

– Был в гостях у «Аль-Кабара»? – медовым голосом спросил он.

– Да. – Врать не имело смысла. – Ты так быстро справился?

– Я и не справлялся. Это мой вирус, приятель!

Я не нашел ничего лучшего, чем сказать:

– Извини...

Маньяк, а в миру просто Саша, был очень серьезен:

– Ты что, спер у них программу?

– Не совсем спер. Но в общем – да, это было встроено в файл...

– Ты связывался с кем-либо по модему? После того как получил этот файл?

– Нет.

– Тогда тебе повезло, – сообщил Маньяк. – Понимаешь, это не простой вирус, это – открытка.

Я не понял, и Маньяк пояснил:

– Открытка с обратным адресом. Если вирус обнаруживает, что на компьютере стоит коммуникационное оборудование, он приклеивает к каждому твоему письму еще одно – крошечное, невидимое... открыточку. Без всякого текста, зато с твоим обратным адресом. Письма уходят вместе, а потом, уже с чужого компьютера, открытка отправляется в службу безопасности «Аль-Кабара».

У меня все внутри похолодело.

– Я прибил вирус на машине...

– Ты прибил не сам вирус, а ложные отражения, которые он создал. Специально, для усыпления бдительности. Мас-совые программы открытку пока не обнаруживают – слишком редкая штука.

– И что мне делать?

– Пивом меня поить, – усмехнулся Маньяк. – Сейчас примешь от меня письмо, там лекарство. Специальный антивирус. Подсказок в нем нет, просто запускаешь бат-файл, и он проверяет машину. Учти, будет работать долго, это не коммерческий продукт, а так... личная страховка от собственного вируса.

– Спасибо.

– Угу. Леня, ты едва не вляпался в крупные неприятности.

– Развелось хакеров, – буркнул я. – Черт, а что ты никогда мне не рассказывал об этой штуке?

– А откуда я знал, что ты компьютерным взломом занимаешься? – резонно возразил Маньяк. – В следующий раз спроси у меня, если соберешься лезть в крутые места. Ладно, включай модем.

Через пару минут я запустил полученный антивирус. Работал он и впрямь медленно, каждую минуту оповещая о том, что обнаружена «открытка». Полиморф расплзся по всему компьютеру.

И впрямь едва не влип.

Поглядывая на экран, я соорудил себе здоровенный бутерброд, налил в чашку чая и вышел на балкон. Было уже темно, накрапывал мелкий дождик. Воздух был сырой и холодный.

Дайверов губит самоуверенность. Нам не страшны опасности виртуального мира, и это убавливает бдительность.

А самое обидное то, что мы вовсе не профессионалы. Из хакеров почему-то не получаются дайверы – они принимают виртуальный мир как реальность.

Зато я, посредственный художник из разорившейся три года назад фирмы компьютерных игр, получивший в качестве выходного пособия старый компьютер и влезший в *глубину*, стал дайвером. Одним из сотни ныне живущих.

Повезло.

Наверное, просто повезло.

Еще пять лет назад виртуальный мир был выдумкой фантастов. Уже существовали компьютерные сети, шлемы, виртуальные костюмы, но все это было профанацией. Были созданы сотни игр, где герой мог свободно перемещаться в объемном и красочном киберпространстве, но о виртуальности и речи идти не могло.

Мир, созданный компьютерами, слишком примитивен. Он не идет в сравнение даже с мультяшками, тем более — с кинофильмами. Что уж говорить о реальном мире? Можно было бегать по нарисованным лабиринтам и замкам, сражаться с чудовищами или с приятелями, сидящими за такими же компьютерами. Но даже в горячечном бреду никто не спутал бы иллюзию с реальностью.

Компьютерные сети позволяли общаться людям по всему миру. Но это был просто обмен строчками на экранах... в лучшем случае рядом с нарисованной рожицей собеседника.

Подлинная виртуальность требовала слишком мощных компьютеров, неимоверно качественных линий связи, титанического труда тысяч программистов. Город, подобный Диптауну, строили бы не один десяток лет.

Все изменилось, когда бывший московский хакер, а ныне преуспевающий американский гражданин Дмитрий Дибенко изобрел *глубину*. Маленькую программу, влияющую на под-

сознание человека. Говорят, он был помешан на Кастанеде, увлекался медитацией, баловался травкой. Верю. Его бывшие друзья признаются, что он был циничным и ленивым, неряхой и посредственным специалистом. Тоже верю.

Но он породил *глубину*. Десятисекундный ролик, прокручивающийся на экране, сам по себе безвреден. Если его показать по телевизору (говорят, в некоторых странах это рисковали делать), то телезритель ничего не почувствует, не станет участником фильма. Сам Дмитрий хотел лишь создать на экране компьютера приятный фон для медитации. Он его создал, пустил гулять по сети и две недели ни о чем не подозревал.

А потом один украинский паренек посмотрел на цветные переливы дип-программы, пожал плечами и начал играть в свою любимую игру – «Doom». Нарисованные коридоры и здания, отвратительные монстры и отважный герой с дробовиком в руке. Простая трехмерная игра, с нее начиналась целая эпоха объемных игр.

И он попал в игру.

Пустой (был уже поздний вечер) зал патентного ведомства, где он работал, исчез. Паренек больше не видел компьютера, за которым сидел. Его пальцы жали на клавиши, заставляя нарисованную фигуру двигаться, поворачиваться, стрелять, а он чувствовал, что он сам бежит по коридорам, уворачиваясь от огненных зарядов и оскаленных морд. Он понимал, что это игра, но не знал, почему она стала реаль-

ностью и как ее закончить.

Единственное, что он смог придумать, – пройти ее до конца. И он прошел, хотя это оказалось гораздо сложнее, чем раньше.

Легкая рана становилась теперь не просто уменьшившимся процентом жизненных сил на экране, а тем, чем и должна быть рана. Болью, слабостью, страхом. Он обнаружил, что залитый кровью пол становится скользким, что каменная плита, за которой скрывается тайник с патронами, очень тяжелая, что гильзы горячие, а отдача от гранатомета едва не сбивает с ног. Эликсир, восстанавливающий здоровье, имел неприятный горький вкус. Бронежилет оказался сделанным из тонких металлических пластинок и довольно легким на теле – зато слишком просторным и с неудобными завязочками на спине. Часа через три стал заедать спуск дробовика, его приходилось давить медленно и плавно, покачивая пальцем в разные стороны.

В пять утра он прошел игру до конца. Чудовища были повержены. На каменной стене перед ним проступило игровое меню, и он с воплем ткнул стволом дробовика в слово «выход».

Иллюзия рассеялась. Он сидел перед мирно гудящим компьютером, глаза слезились, клавиатура под заостренными пальцами была разбита вдребезг. Западала кнопка, которую он в игре принимал за спусковой крючок.

Паренек отключил компьютер и уснул прямо на стуле.

Пришедшие на работу сотрудники увидели, что все тело у него покрыто синяками.

Он рассказал о случившемся, и, разумеется, ему никто не поверил. Только к вечеру, осознавая случившееся, он вспомнил о медитационной программе Дибенко и заподозрил неладное.

Через неделю лихорадило весь мир. Корпорации, за исключением продающих компьютеры и программы, несли миллиардные убытки – всем, от программистов до секретарш и наборщиц, хотелось воочию побывать в киберпространстве.

С легкой руки Дибенко программа получила название «дип» и начала шествовать по миру. Впереди еще были исследования, доказавшие, что около семи процентов людей неподвластны *глубине*, а пребывание в виртуальности более десяти часов в день может привести к нервным расстройствам и псевдошизофреническому синдрому. Месяц оставался до первой смерти в виртуальности, когда пожилой мужчина, чей истребитель сожгли в космической схватке над планетой разумных фиолетовых рептилий, умер от инфаркта прямо за клавиатурой компьютера.

Это уже не могло никого остановить или напугать.

Мир погрузился в *глубину*.

«Майкрософт», IBM и компьютерная сеть Интернет создали Диптаун.

Главным преимуществом дип-виртуальности была про-

стота. Не надо детально прорисовывать здания и дворцы, лица людей и детали машин. Лишь общие очертания и мелкие, узнаваемые детали. Коричневая стена, поделенная на прямоугольники, кирпичная кладка. Голубизна сверху – небо. Штаны синего цвета – джинсы.

Мир нырнул. И возвращаться на поверхность не собирался. В *глубине* было куда интереснее. Пусть она оставалась доступной не всем, но интеллектуальная элита присягнула на верность новой империи.

Глубине...

Когда я очистил компьютер от вируса-открытки и упаковал добытый файл – теперь он будет выглядеть в виртуальности как обычная дискета, – наступила полночь. Голова больше не болела, спать не хотелось совершенно. Кто же из обитателей Диптауна спит ночью?

– Вика, перезагрузка, – скомандовал я.

Задумчивое женское лицо на экране нахмурилось.

– Правда?

– Конечно.

Экран слегка померк, изображение размазалось. Потом компьютер замигал индикатором жесткого диска, перезагружаясь. Машина у меня несерьезная, «пентиум», но менять ее на более совершенную руки не поднимаются. Старый конь борозды не испортит.

– Добрый вечер, Леня, – сказала Вика. – Я готова к работе.

– Спасибо. Подключайся к Диптауну... через обычный канал.

Защелкал модем, набирая номер. Я натянул шлем, сел.

– Соединение на двадцать восемь восемьсот, канал стабильный, – сказала Вика.

– Включай дип.

– Выполнено.

Голубизна, белая вспышка в центре экрана, потом – раз-

ноцветье.

Как ты смог создать дип-программу, Дима? Со своей расшатанной психикой, дилетантскими познаниями в психологии, самыми элементарными знаниями в области нейрофизиологии? Что тебе помогло?

Сейчас, когда ты богат и знаменит, что ты пытаешься сделать? Понять собственное озарение или придумать что-нибудь еще более удивительное? Или просто распутничаешь и куришь травку в свое удовольствие? Или бродишь дни и ночи напролет по улочкам Диптауна, любуясь на дело рук своих?

Я хотел бы знать. Но – не оказаться на твоём месте. Ибо ты просто рядовой житель виртуальности, со всеми своими миллионами и прототипом «восьмерки» в качестве домашнего компьютера. *Глубина* держит тебя так же цепко, как провинциального программиста из российской глубинки, месяцами копящего деньги на визит в Диптаун.

Ты не дайвер, Дима. И потому я счастливее тебя.

... Комната та же, но за окном всполохи рекламы и легкий шум машин.

– Все в порядке, Леня?

Оглядываюсь.

– Да. Я пойду погуляю, Вика.

Беру со стола дискету с добытым файлом, прячу в карман. На полке, среди десятка книг и стопки сидишников, лежит плеер. Засовываю в него диск «ЭЛО», надеваю наушники,

включаю. «Roll Over Beethoven». Чего и хотелось. Под бодрую музыку выхожу из квартиры, запираю дверь.

На этот раз жучков нет. На тротуаре я поднимаю руку, торможу такси. Водитель на этот раз – пожилой, грузный, очень интеллигентный мужчина.

– Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас, Ленья!

Киваю, сажусь:

– К ресторану «Три поросенка».

Водитель кивает, этот адрес ему известен. Едем быстро, пара поворотов – и перед нами странное здание: частично каменное, частично деревянное, частично из соломенных циновок. Захожу в давно знакомый ресторанчик, осматриваюсь.

Помещение поделено на три части – блюда восточной кухни подают в той, что выстроена из циновок, европейскую можно отведать в каменной, русскую, естественно, – в деревянной.

Есть мне не хочется. Виртуальная еда субъективно насыщает, и когда у меня полный финансовый напряг, я начинаю питаться в «Трех поросятах». Но сейчас надо просто дождаться поделыщика.

Иду прямо к стойке бара, за которой стоит плотный молодой мужчина.

– Здравствуй, Андрей.

Иногда хозяин ресторана сам обслуживает виртуальных

клиентов. Однако сегодня явно не тот случай. Глаза бармена оживляются, но это чисто механическая любезность.

– Здравствуй! Что будешь пить?

– Джин-тоник, со льдом, обычный.

Смотрю, как бармен смешивает напиток. Тоник – настоящий «Швепс», джин – приличный «Бифитер». Компании, производящие спиртное, позволяют использовать в виртуальности образы их продукции за самую символическую плату. Реклама...

«Пепси-кола» вообще бесплатна – это был их рекламный ход. Зато «кока-кола» стоит ровно столько же, как и в реальности.

И ее покупают.

Беру стакан, присаживаюсь за свободный столик. Наблюдаю за посетителями. Это всегда интересно.

Мужчин и женщин приблизительно поровну. Женщины, все как на подбор, красавицы. Самые разные, от блондинок скандинавского типа и до негритянок с антрацитовою кожей. Мужики в основном уроды. Нет, на самом деле это не так. Просто мое подсознание подмечает все глупости в виртуальных личинах мужчин – и диспропорцию излишне мускулистых фигур, и слишком узнаваемые физиономии киноактеров, наклепанные на тела культуристов.

Для женщин милостиво делается исключение. Они все прекрасны.

Делаю глоток джина, расслабленно опираюсь на стойку.

Хорошо.

Ни один настоящий бар или ресторан не сравнится с виртуальным. Здесь всегда вкусно готовят. Здесь не приходится ожидать официантов. Лошадиная доза спиртного не вызовет похмелья.

А вот опьянеть можно вполне. Как-никак опыт в этом деле есть... и подсознание радостно ныряет в алкогольный дурман. Может быть, в это время организм начинает вырабатывать естественные наркотики – эндорфины, не знаю. Во всяком случае, после выхода из *глубины* опьянение проходит не сразу.

– Можно? – Ко мне подсаживается девушка. Светлые волосы, чистая, чуть бледная, матовая кожа, простой белый костюм. На груди медальончик на золотой цепочке – наверняка какая-то программка. Симпатичная и, слава богу, неузнаваемая. Или сама конструировала лицо, или опиралась на редкую картину, или нашла в каком-то фильме симпатичную, но не примелькавшуюся мордашку.

– Конечно, – разворачиваюсь к ней. Бармен уже подает девушке бокал белого вина. Чилийское, «Император». У девочки хороший вкус.

– Я часто вас здесь вижу, – сообщает девушка.

Дзинь-дзинь! – тревожный звоночек в мозгу.

– Удивительно, – замечаю я. – Не так уж часто я тут появляюсь.

– Зато я – постоянно, – говорит девушка.

Ложь.

Я могу выйти из виртуальности и проверить те два десятка контрольных фотографий, что хранятся на компьютере. Посетители бара за последние два месяца, всегда полезно запомнить новые лица.

Но зачем, я и так помню, что никогда не встречал этого лица...

– Я носила другие лица. – Девушка словно угадывает мои мысли. – А вы всегда ходите в одном.

– Это дорогое удовольствие – менять образ, – начинаю самоуничижаться. – Лепить себя из Шварценеггера и Сталлоне – глупо. А нанимать специалиста мне не по карману.

– *Глубина* сама по себе – дорогая штука.

Девушка называет виртуальность *глубиной*, и мне это нравится.

В отличие от ее остального поведения.

Пожимаю плечами. Станный разговор.

– Простите, вы ведь – русский? – спрашивает девушка.

Киваю. В виртуальности очень много русских – нигде в мире контроль за машинным временем не поставлен так плохо, как у нас.

– Простите... – Девушка покусывает губки, она явно волнуется. – Я, наверное, крайне бестактна, но... как вас зовут?

Я понимаю.

– *Не* Дмитрий Дибенко. Вас ведь именно это интересует?

Девушка испытующе смотрит мне в лицо, потом кивает.

Залпом допивает вино.

– Я не лгу, – мягко говорю я. – Честное слово.

– Верю. – Девушка кивает бармену, потом протягивает мне руку: – Надя.

Пожимаю ладонь, представляюсь:

– Леонид.

Вот и познакомились, теперь можно на «ты». *Глубина* демократична. Излишне вежливый тон здесь – оскорбление.

Девушка откидывает волосы назад, жест естественный и красивый. Протягивает бармену бокал, тот шустро наполняет его вновь. Окидывает взглядом зал.

– Как ты думаешь, а он действительно посещает виртуальность?

– Не знаю. Наверное. Ты журналист, Надя?

– Да. – Она секунду колеблется, потом достает из сумочки визитку, протягивает мне: – Вот...

Визитка полная – не только интернетовский адрес, но и голосовой телефон, имя и фамилия. Надежда Мещерская. Журнал «Деньги». Репортер.

«Виндоус-Хоум» молчит – значит, визитка чистая, это и впрямь только адрес, без всяких сюрпризов. Прячу визитку в карман, киваю:

– Спасибо.

Ответной любезности, увы, не будет. Но Надя на нее и не рассчитывает.

– Странная вещь эта *глубина*, – бросает она, отпивая ви-

но. – Вот я сейчас в Москве, ты – где-нибудь в Самаре, тот мальчик – в Пензе...

«Мальчик», похожий на смазливового мексиканца из телесериала, замечает ее взгляд и гордо выпячивает подбородок. Да, в наблюдательности Наде не откажешь, он и впрямь русский...

– Вон толпа америкосов, – без малейшей почтительности продолжает Надя, – вон тот чудик – явный японец... видите, какие глаза себе нарисовал? У каждой нации свои комплексы... И вот мы валяем дурака в несуществующем ресторане, за бокалом воображаемого спиртного, сотни компьютеров жгут энергию, процессоры греются от натуги, телефонные линии перегоняют мегабайты бессмысленной информации...

– Информация не бывает бессмысленной.

– Да, пожалуй. – Надя бросает на меня быстрый взгляд. – Скажем так: неактуальной информации. И все это – новая эра мировой технологии?

– А чего ты ожидала? Обмена файлами и разговоров о частоте процессоров? Мы ведь люди.

Надя морщится:

– Мы люди новой эпохи. Виртуальность может изменить мир, а мы предпочитаем гримировать ее под старые догмы. Нанотехнология, используемая для имитации выпивки, – это хуже, чем микроскоп для забивания гвоздей...

– Ты – «тюринка», – догадываюсь я.

– Да! – с легким вызовом отвечает Надя.

Тюринцы – последователи одного писателя-фантаста из Питера. Они не то выступают за сращивание человека с компьютером, не то ожидают от виртуальности каких-то немислимых благ.

– Так что же ты делаешь в этом бессмысленном заведении? – спрашиваю я.

– Ищу Дибенко. Мне очень хочется спросить его... так ли он все представлял? Правильно ли происходящее, с его точки зрения?

– Понятно. Но неужели тебе не нравится это место?

Надя пожимает плечами.

Я протягиваю руку, касаюсь ее лица.

– Тепло руки, терпкость вина, прохлада вечернего бриза и аромат цветов, плеск теплых волн, луна в небе и колкий песок под ногами, – неужели тебе не нравится все это?

– Для этого существует реальность. – Она смотрит мне в глаза.

– А часто ли все это совпадает в реальности? Здесь достаточно открыть дверь, – я киваю на неприметную дверку в «японской» части ресторана, – и все окажется на месте. А тебе никогда не хотелось холодным осенним утром стоять на опушке леса над обрывистым берегом реки, пить горячий глинтвейн из пузатого бокала... и вокруг никого...

– Хозяин этого ресторана – романтик, – говорит Надя.

– Конечно.

– Леонид, все, что ты назвал, – правильно. Но этим удовольствиям – место в реальности.

– Реальность не столь доступна.

– Как и *глубина*, Ленья. Я не знаю, откуда ты берешь деньги для постоянных визитов сюда, да и не мое это дело. Но миллиарды людей никогда не были в *глубине*.

– Миллионы людей никогда не видели телевизора.

– Виртуальность не должна быть эрзацем реальности, – убежденно говорит Надя.

– Да, конечно. Превратим нищих и убогих в накопители информации, станем импульсами в электронной сети...

– Леонид, ты знаком с учением тюринцев лишь понаслышке, – убежденно говорит Надя. – Посети как-нибудь нашу церковь.

Пожимаю плечами. Может быть, и побываю. Но в *глубине* много интересных мест. На все не хватит жизни.

– Я пойду. – Надя встает. Бросает на стойку бара монетку. – У меня еще полчаса сегодня... надо посетить пару мест.

– В поисках Дибенко? – киваю я. – А может быть – теплый песок, гавайский пляж и красное чилийское?

Надя улыбается:

– Ленья, это уже не будет работой. Вечерний пляж и вино... захочется продолжения. А виртуальный секс забавен, но только если ты дома, в запертой комнате. Я вошла с работы. Шесть компьютеров в комнате, все заняты. Представляешь, какое зрелище я буду представлять для коллег?

Она предельно откровенна и умна. Хорошая девочка. Дай бог, чтобы и в реальности Надя была такой же смышленной и открытой.

– Тогда – удачи, – киваю я.

– Спасибо, таинственный незнакомец. – Надя наклоняется и чмокает меня в щеку.

– *Леня, маркер!* – шепчут булавки на моих плечах.

Достаю платок-вирусофаг и стираю помаду со щеки. Грожу Наде пальцем:

– Я предпочитаю оставаться таинственным, девочка.

Кажется, она растерялась. Однако ей хватило выдержки, чтобы развести руками и неторопливо удалиться.

Блин. Испортила песню, дура!

Так хорошо поговорили...

Залпом осушаю бокал и щелкаю пальцами, подзывая бармена.

– Джин-тоник, один к одному!

Бармен морщится, но смешивает требуемое. Блин. Заказать, что ли, текилы с томатным соком – какую рожу он скорчит?

– Леня?

Оглядываюсь.

Мой друг-оборотень стоит рядом. Белый костюм, лакированные туфли, чуть старомодный галстук. Лицо чуть напряженное.

– Привет, Ромка. Садись.

– Что за девица?

– Ничего интересного.

Мы, дайверы, всегда немножко параноики. Что поделать. Слишком много желающих узнать наши реальные имена. Оборотень шумно втягивает воздух, хмурится:

– Она пыталась тебя пометить!

– Я знаю. Не беспокойся, это просто журналистка.

Ромка садится, кивает бармену. Тот корчит жуткую рожу – но подает ему граненый стакан, наполненный «Абсолют-том-пеппер». Мне даже смотреть тяжело, как Роман пьет. А он, слегка морщась, вытирает рот и возвращает стакан.

Может быть, он в реальности – алкоголик?

Не знаю.

Мы таимся друг от друга точно так же, как от врагов. Мы слишком ценный товар. Глубоководные рыбы, мерцающие колдовским светом уроды, которых мечтает попробовать каждая акула.

– Ты донес яблочко? – спрашивает Роман.

– Все в порядке, – откидываю полу пиджака, хлопаю по карману рубашки, где лежит дискета. – Товар на месте.

Оборотень чуть расслабляется.

– А покупатель?

Смотрю на часы.

– Через десять минут. Рядышком, у реки.

– Пошли? – Роман берет стакан.

Я подхватываю свой, и мы выходим в ту дверь ресторана,

что в каменной стене. В маленьком тамбуре я тихо говорю:

– Индивидуальное пространство для нас обоих. Допуск для человека, назвавшего код «серый-серый-черный».

– Принято, – слышится из потолка. Теперь, сколько бы посетителей ни захотело погулять в виртуальном пространстве «Трех поросят», их мы не увидим. Только покупателя, которому я загодя сообщил код.

За второй дверью – лес. Дремучий, первобытный, северный. Холодный ветер пронизывает до костей, я ежусь. Мой спутник к холоду совершенно равнодушен. Может быть, у него более простой шлем – без кондиционера?

Бог знает...

Зарабатывает он не меньше моего, но, может быть, у него огромная семья. Или Роман и впрямь алкоголик, проматывающий сотни зеленых за считанные дни?

За нашей спиной – маленький каменный домик, так выглядят «Три поросенка» с этой стороны. Идем по тропинке, помаленьку отхлебывая из бокалов.

– Тебе нравится перцовка? – мимоходом спрашиваю у оборотня.

– Да.

Сухо и без малейших комментариев. Хотел бы я знать, Роман, кто ты на самом деле.

Но это невозможно. Виртуальность жестока к неосторожным.

Выходим к реке. Крутой обрыв, схваченный цепким по-

кровом низкого кустарника. Очень сильный ветер, я щурюсь. Небо затянуто тучами. Река не то чтобы горная, но порожи-стая и быстрая. Вдали вьется стая каких-то крупных птиц – не знаю, каких именно, они никогда не подлетают близко. Над обрывом – столик, на нем стоят бутылки джина, тоника и «Абсолют-пеппера». Еще никелированный термос, в нем, я знаю, глинтвейн. Вкусный, с корицей, ванилью, мускатным орехом, перцем, кориандром. Три плетеных стула. Садимся рядом, смотрим на реку.

Красиво.

Белая пена на камнях, холодный ветер, полный бокал в руке, сизые тучи, клубящиеся над головой. Завтра наверняка пойдет снег. Но в виртуальности не бывает «завтра».

– Хотел бы я знать, – делаю глоток, – откуда взята эта река.

– Места красивее не видал я в своей жизни... – странным тоном произносит оборотень.

Вот так всегда. У каждого свои ассоциации и аналогии. Для Романа явно этот пейзаж что-то означает. Для меня – просто красивое место.

– Ты здесь бывал?

– В какой-то мере.

Интересно.

– Что это за птицы, Роман?

– Гарпии, – не глядя отвечает он. Хлоп – и его стакан пуст. Но он все равно не пьянеет.

Как я ненавижу тайну, которая окружает нас. Мы боимся

друг друга. Мы боимся всего.

– А погода приятная, – бросаю наугад.

– Снежное нынче лето... – говорит оборотень. И смотрит на меня с иронией. Он узнает эту местность. Она отзывается чем-то в его душе.

Мне не дано узнать, чем именно.

Наливаю себе глинтвейна в тяжелую керамическую чашу. Вдыхаю аромат. Снежное лето? Пускай. Нет ничего лучше плохой погоды.

– Леня, ты куришь травку? – Роман протягивает мне портсигар.

– Нет.

Наверное, он и впрямь алкоголик и наркоман...

– Говорят, куда безвреднее алкоголя и табака.

– Говорят, что в Москве кур доят.

Роман колеблется, но закуривает.

Блин. Надины доводы начинают казаться мне не такими уж безумными.

Я пью глинтвейн, Роман курит анашу. Минуты через две щелчком отправляет недокуренную сигарету вниз и говорит:

– Детская забава. Плесни мне вина.

– Это глинтвейн.

– Какая, на фиг, разница...

Теперь мы оба потягиваем горячее вино с пряностями. Роман кивает:

– Рулез!

Я согласно киваю. «Рулез» – это что-то хорошее. Холодное пиво, компьютер седьмого поколения, юная красавица, удачно обезвреженный вирус... глинтвейн.

Сидим над обрывом, и нам хорошо.

– Что было в том яблочке?

– Новое лекарство от простуды. Очень эффективное.

Роман хмурится:

– Это стоит шесть тысяч?

– Это стоит сто.

– А... – Роман меняется в лице.

– Давайждемся покупателя.

Оборотень кивает:

– Твоя операция, тебе решать.

Покупатель появляется минут через десять, когда я уже начинаю беспокоиться. Я знал его лишь под кличкой Тертый, а он меня под прозвищем Стрелок. Покупатель опрятен и неприметен, простой костюм, незапоминающееся лицо. Молодой парень с дипломатом в руке.

– Добрый вечер, Стрелок! – говорит он мне. Голос излишне ровен – Тертый общается через программу-переводчик.

– Доброе утро, – поглядывая на часы, отвечаю я. Это взаимная игра. Выяснить индивидуальное время дайвера, определить, в каком часовом поясе тот проживает, – уже немало.

– Как я ценю ваш юмор... – Тертый садится на третий стул, вопросительно смотрит на меня: – Урожай созрел?

– Тяжелые вышли яблочки. – Я достаю дискету, кладу на

стол. – Честно говоря, я ожидал большей благодарности за подобный труд...

– Мы ведь условились? Шесть тысяч долларов.
Развожу руками.

– *По вашим словам*, большего оно и не стоило.

– Вы считаете иначе?

– Понимаете, господин Шеллербах...

Тертый вздрагивает.

– Вы ошиблись как минимум на порядок. Простуда – это мелочь, конечно... но кому нравится валяться в постели с температурой и сопливым носом?

– Мне – не нравится. – Шеллербах-Тертый меняется в лице. Теперь это пожилой мужчина с волевой, но нервной физиономией. – Однако я полагал, что слово дайвера – свято.

– Не отрицаю. Я отдаю вам файл, – щелчком отправляю дискету через стол. – Но в следующий раз ни один дайвер не пошевелит ради вас пальцем. Вы нарушаете *нашу* этику, господин Шеллербах. Труд оплачивается в меру его сложности.

Шеллербах берет дискету и замирает. Я пью глинтвейн, наблюдая за ним. Оборотень молчит. Это моя операция.

Наконец Шеллербах скачал файл, и взгляд его приобретает осмысленность.

– Итак? – спрашиваю я.

– Пятьдесят, – говорит Тертый.

– Каждому?

Он молчит – очень, очень долго. Это деньги. Живые, пол-

нокровные, не облагаемые налогами, пришедшие ниоткуда и ушедшие никуда.

– Ваш счет.

Я протягиваю ему бумажку, на ней – номер счета в Швейцарии.

– Отрицательные проценты... вы очень осторожны, господин дайвер...

– Иного выхода нет, Петер...

Он сдается. Я знаю его настоящее имя, он мое – нет. Банк не выдаст меня *никогда*. Даже если международный трибунал заявит, что я людоед и виновен в геноциде.

За это и платятся *отрицательные проценты* со счета.

За полную безопасность.

– Пятьдесят каждому. Я делаю жест доброй воли, господин дайвер!

– Прекрасно.

Несколько секунд – и на мой счет перетекают сто тысяч долларов. Это много. Это очень много.

Годы спокойной жизни в виртуальности.

– Вы согласитесь на дальнейшее сотрудничество?

Достаю свою чековую книжку, с удовольствием разглядываю цифру. Потом выписываю чек на пятьдесят тысяч и отдаю оборотню.

– Вполне возможно.

– А на постоянный контракт?

– Нет.

– Чего вы так боитесь, дайвер? – Во взгляде Шеллербаха любопытство.

Чего я боюсь?

– Имени, Питер. Настоящая свобода – это всегда тайна.

– Я понимаю, – соглашается Шеллербах. Косится на Романа: – Вы тоже дайвер? Или просто ходячий набор вирусов?

– Дайвер, – говорит Роман.

– Что ж... удачи вам, господа... – Шеллербах отходит на шаг. Останавливается. – Скажите... как это – быть дайвером?

– Очень просто, – отвечает Роман. – Надо знать, что все вокруг – игра. Фантазия.

Шеллербах кивает, разводит руками:

– Не получается, увы...

Он уходит по тропинке, мы смотрим ему вслед. Потом я наполняю наши бокалы.

– За удачу!

Роман явно еще не оценил масштабов случившегося. Молчит, крутит в руках бокал.

– Леня, скажи, ты счастлив?

– Конечно.

– Большие деньги... – Он разглядывает чек, потом решительно поднимает бокал: – За удачу!

– За нее, – соглашаюсь я.

– Ты не исчезнешь из *глубины*?

– Нет.

Роман кивает, с явным облегчением. Отпивает вина, говорит:

– Знаешь, с тобой интересно работать. Ты... необычный.

На миг мне кажется, что мы подходим к той небывалой грани, когда дайверы открываются друг другу.

– Аналогично, Рома.

Оборотень встает. Резко, порывисто.

– Мне пора... ко мне пришли...

Он растворяется в воздухе, бокал падает на пол, катится, звеня и подпрыгивая.

– Удачи тебе, Роман, – говорю я в пустоту.

Одиночество – изнанка свободы.

У меня не может быть друга.

– Счет! – зло говорю я в пустоту. – Счет, живо!

Самое обидное, что мне не хочется спать. Слишком удачный день, наверное.

Возвращаюсь в ресторан. Часть народа сменилась, компания американцев по-прежнему хохочет над своими шутками.

Надо прогуляться.

Выбираюсь из «Трех поросят», секунду колеблюсь – не поймать ли такси? – потом иду пешком. Потихоньку сворачиваю с центральных улиц, подхожу к русским конференц-кварталам.

Это одно из самых интересных мест в виртуальности, на мой взгляд. Место, где можно просто поговорить.

О чем угодно.

Длинные ряды зданий, каждое в своем стиле, между ними – скверики и площади, заполненные народом или пустые. Разглядываю затейливые таблички. Часть понятна сразу, некоторые нарочито туманны.

«Анекдоты».

«Разговоры ни о чем».

«Сексуальные приключения».

«Странное место».

«Овес растет!»

«Книги».

«Боевые искусства».

Сюда приходят пообщаться на конкретные темы. Это – отголоски довиртуальной эпохи. Дальше пойдут более солидные клубы, где можно получить консультацию по техническим вопросам, поспорить о программном обеспечении или даже купить по дешевке ворованные программы. Но мне это малоинтересно.

Сворачиваю в скверик, над воротами которого табличка «Анекдоты». Здесь всегда многолюдно, шумно и бестолково. Скверик похож на парк культуры шестидесятых годов. В уголке тихо играет маленький оркестрик – явно ненастоящий, на скамеечках сидят, пьют пиво, болтают между собой люди. Присаживаюсь в сторонке.

На маленькую деревянную эстраду поднимается парень в джинсах и белоснежной рубашке. Парень совершенно безликий. На него лениво поглядывают.

– Штирлиц вышел из дома... – начинает парень.

Девчонка рядом со мной свистит и запускает в парня пивной бутылкой. Я ее вполне понимаю. Девяносто процентов анекдотов, которые здесь рассказывают, – старье. Это клуб, который обожают новички в виртуальности... не понимающие еще, что ничто не ново под луной. Стоит побыть здесь полчаса, чтобы поверить: Каин убил Авеля именно за то, что тот любил рассказывать бородатые анекдоты.

Паренек под свист и выкрики все-таки рассказывает анекдот и, затравленно озираясь, сбегает с трибуны. Кто-то ему

одинокое аплодирует. Надо же...

Оглядываюсь в поисках бара. Он далеко, на другом конце сквера. Девчонка молча протягивает мне бутылку пива.

– Спасибо... – Делаю глоток. Холодный «Хайникен» сразу улучшает настроение.

На трибуну поднимается еще один парень. Гораздо более индивидуальный, почему-то напоминающий прибалтийца. У него плутоватое выражение, и я настораживаюсь. Парень косится на маленькую будочку в углу сцены.

– Господа! – выкрикивает он. Действительно прибалт, если это не мое подсознание домysлило акцент. – Фирма «Литокомп» имеет честь предложить по самым низким ценам...

Ага. Все понятно.

Я тоже смотрю на будочку – укрытие *модератора*. В каждом клубе есть человек, наблюдающий за порядком и за соответствием разговоров разрешенной теме. Вопрос лишь в том, на месте модератор илиотреагирует позднее...

На месте.

Дверца будочки открывается, и оттуда лениво выходит кряжистый мужик с огромным, жутковато выглядящим устройством в руках. Прибалт замечает его и начинает тараторить:

– ...Винчестеры «Квантум лайтинг», «Вестерн дигитал»...

– Офтопик! – лениво, но с глухой злобой говорит модератор и вскидывает оружие. Присутствующие затихают, насла-

ждаясь зрелищем.

Ствол дергается, и в сторону торговца со свистом летит алый светящийся крестообразный предмет. Прибалт пытается пригнуться, но это бесполезно. Модераторы не промахиваются. На рубашке торговца расплывается огненный крест, или, как принято говорить, «плюс». Три таких плюса – и вход в клуб «Анекдоты» будет для него закрыт навсегда.

Толпа одобрительно хохочет.

– А может, это анекдот так начинался? – выкрикивает кто-то с места. Модератор грозит ему пальцем, потом повторно наводит ствол на прибалта. Тот бросает тщетную попытку отскрести сияющий плюс с рубашки, спрыгивает с эстрады и улепetyвает прочь.

– Мочи его! – подзуживают модератора, но тот сегодня добродушен. Закидывает плюсомет за спину и уходит в свою будочку, похожую на дачный сортир.

– «Литокомп»... – задумчиво говорит моя соседка. – Надо будет узнать цену, мне пора винт менять...

Что ж, хоть чего-то торговец добился. На сцену выходит еще один жаждущий юмора.

– Однажды Винни-Пух и Пятачок...

Мне становится нестерпимо скучно.

Почему в виртуальной реальности так популярны анекдоты про Штирлица и Винни-Пуха? Какая-то психологическая аберрация...

– Спасибо за пиво, – говорю я девушке, встаю и выбира-

юсь из сквера.

Настроение не то чтобы плохое, но странное. Я бреду вдоль клубов. Сквозь зарешеченные стекла «Боевых искусств» виден хрупкий парень азиатской внешности, демонстрирующий какие-то сложные движения. В летнем кинотеатре «Фильмы» импозантный мужчина оживленно жестикулирует, стоя у экрана. Заглядываю, до меня доносится: «Дешевка! Этот фильм отвратительная дешевка!»

Скучно, господа...

Может быть, тюринцы и правы. Мы превратили виртуальный мир в пародию на реальную жизнь.

А пародии не бывают лучше оригинала. У них иная задача – высмеять, показать нелепость и несуразность первоисточника.

Но мы не можем изменить мир. И эта пародия лишена смысла. Она – не рывок вперед, а лишь шаг в сторону.

– Вика...

– Я слушаю, Леня.

– Вызови мне такси...

– Хорошо.

Может быть, стоит поездить по городу. В конце концов, пойти в центр развлечений.

Машина «Дип-проводника» притормаживает рядом, я открываю дверь, сажусь. Водитель – какого-то нового, ранее не встречавшегося типа. Бородач в рваной майке и с татуировками на плечах. Под панка косит, что ли?

– Машина сейчас прибудет, – сообщает «Виндоус-Хоум».

И до меня доходит, что шофер даже не произнес традиционного приветствия. Что мы уже едем – хотя я не называл адреса.

– Отсюда только одна дорога, – говорит водитель и с ухмылкой поворачивается. У него шрам на щеке и гнилые зубы. Это не программа, конечно, это *живой* человек.

– Остановите.

– Не положено, – водитель скалится, небрежно руля.

Вот это номер.

– Вика, выход из виртуальности! – командуя я.

Ответа нет.

– Твоя программка тебя не слышит, – сообщает водитель. – Сиди тихо, лады? Так лучше будет.

Про похищения в виртуальности я еще не слышал.

– Кто вы?

Бородач только улыбается.

Конечно, у меня есть выход. Недоступный простому жителю Диптауна.

Выйти из *глубины* самостоятельно и вручную оборвать связь.

Вот только – не этого ли от меня и добиваются? Расписки в том, что я дайвер. И обрыва связи, когда я нахожусь в «машине» – транспортной программе, вполне возможно, способной отслеживать телефонную линию?

И зачем я сегодня зашел с основного адреса, установить

по которому мою личность – задачка для дилетанта?

– Чего вы хотите?

Водитель меня игнорирует. Но и взгляда не отводит, изучая с любопытством охотника, подстрелившего жар-птицу.

– Сам напросился, – говорю я, стараясь не паниковать. И вынимаю револьвер.

Шесть пуль – шесть разных вирусов. Это слабое оружие, но я надеюсь на разнообразие зарядов. Возможно, защита похитителя не выдержит.

Три пули проходят сквозь него, не найдя цели. Хороший антивирус, не дал увидеть свой компьютер. Одна плющится и падает на пол – вирус убит. Еще два патрона даже не выстреливают – они обезврежены прямо в барабане.

Вот так.

Без особой надежды быю водителя рукоятью – это тоже слабый вирус, неплохо оглушающий простенькие программы вроде «Дип-проводника». Но эффекта, конечно, нет.

– Не трепыхайся, – советует водитель, наблюдая, как я дергаю ручки двери. Все закрыто наглухо, и я смиряюсь.

В конце концов – информация не бывает лишней.

Мы едем дальше. Я еще раз пытаюсь связаться с Викой – никакого эффекта. Блокирован голосовой канал связи.

Глубина-глубина, я не твой...

На экранах шлема – внутренности машины. Ух ты, как здорово сделано. Это вполне узнаваемая спортивная «Лян-чо».

Я положил пальцы на клавиатуру, набрал несколько команд, нажал ввод.

Сработало.

deer

Ввод.

Я опять в машине. Водитель озабоченно оглядывается на меня. Я задумчиво кручу в руке револьвер – он снова заряжен. А карман оттягивает граната.

– Получили посылочку? – спрашивает водитель.

Теперь моя очередь играть в молчанку.

– Интересно, каким образом?

– Друг мой, если у меня кончаются патроны – это однозначный приказ пополнить запасы.

В моем тоне – самодовольство мелкого хакера. Версия правдоподобная, и то, что компьютер закачал в револьвер порцию новых вирусов, вовсе не обличает во мне дайвера.

Водитель размышляет:

– Давай повременим со стрельбой?

Неопределенно пожимаю плечами. Бородач успокаивающе говорит:

– Мы приехали.

Машина и впрямь уже стоит возле незнакомого здания. Серый куб без окон, единственная дверь, очень широкая, как в гараже, и утрированно-бронированная, словно предупреждение: войти без спроса будет трудно. В таких зданиях скрываются либо банальные склады ширпотреба, либо рос-

кошные апартаменты.

– Идем? – предлагает водитель.

Я молчу.

Бородач молча газует, и машина прыгает прямо к двери. За секунду до столкновения та распаивается, пропуская нас внутрь.

Это и впрямь склад.

Стеллажи вдоль стен, коробки с яркими наклейками известных фирм. Очень много хорошего товара. Либо здесь отделение крупного дилера, либо, что куда более вероятно, воровская хаза.

Двери уже разблокированы. Теперь функцию машины выполняют стены этого помещения. Связи с Викой по-прежнему нет.

– Итак? – выбираясь из «Лянчо», спрашиваю я. – Что надо?

Водитель смотрит мимо меня. Это глупо, но я обращаюсь.

В углу склада стоит Человек Без Лица.

Черный плащ до пола, серебряная заколка в виде розы на груди, вьющиеся волосы – какие-то пепельные, но вполне естественно выглядящие. А вместо лица – серая муть, словно сконденсированный туман. Подобные фокусы запрещены на улицах города, но у себя дома их творить можно. Вот только зачем? Хочешь быть неузнаваемым – возьми типовое лицо из комплекта «Виндоус-Хоума» или иной операцион-

ной системы. Их там до чертиков.

А отсутствие лица вкупе с такой необычной одеждой – просто глупо.

Хоть и эффектно.

– Оставь нас, Семен, – говорит Человек Без Лица.

Водитель кивает, разворачивается и уходит куда-то в лабиринт стеллажей. Его шаги постепенно затихают, и я отмечаю, что тут прекрасное эхо.

Возможно, чтобы нельзя было передвигаться незаметно.

– Ты – дайвер, – говорит человек без лица.

Ну конечно. Традиция этого дня – меня вновь пытаются отловить. Третий раз.

Бог троицу любит...

– Возможно. А вы, вероятно, Билл Гейтс, – отвечаю я.

Если он и улыбается, то этого не понять.

– Возможно.

Да уж. Станет хозяин «Майкрософта» отлавливать дайверов по сети. Во-первых, деньги он делает более традиционными способами, во-вторых – по-русски сам не говорит. Хотя... кто знает, насколько совершенными могут быть программы-переводчики? Деревянные интонации – это издержки массовых и дешевых программ.

– Давайте не будем валять дурака, – говорю я. – Вы решили, что я дайвер? И притащили к себе для допроса. Боюсь, вы будете разочарованы.

– Сегодня утром два хакера, один из них – несомненный

дайвер, похитили в квартале «Аль-Кабар» файл с технологией производства нового лекарства. – Человек Без Лица терпелив и педантичен. – Не знаю, сколько им было обещано за работу, но, к счастью, господин Фридрих Урман сообщил дайверу, что правильной ценой была бы сотня тысяч. Далее идут психологические допущения. Например, что дайвер избавится от горячей информации немедленно. Например, что он потребует с покупателя именно сто тысяч. Например, что он перечислит деньги на очень надежный счет.

Нет, этого не может быть... В банках работают профессионалы. Меня не могли проследить.

– Допустим также, что оба хакера делят полученную сумму пополам. И вот это уже становится интересным, друг мой. Трансфер денег из одного банка в другой – событие в Диптауне ежесекундное. Но вот трансфер именно пятидесяти тысяч... от частного лица частному лицу... Номера счетов остаются загадкой, но вот место, где произошел дележ, – более узнаваемо. Вы следите за моей мыслью?

Вот так. Все очень просто.

Меня пасли от «Трех поросят». Роман ушел мгновенно, а вот я решил прогуляться.

На свою дурную голову.

И какого черта я поделился с ним поровну?

– Очень интересная история. Вот только при чем тут я?

Хоть у собеседника и нет лица, но я знаю, что он улыбается.

– Проигрывать надо достойно, господин дайвер.

Я еще не проиграл, но он этого не знает...

– Конечно, дайвер на то и дайвер, что его невозможно поймать в виртуальности, – говорит Человек Без Лица. – Что для вас программные барьеры? Сосредоточиваетесь – и шмыг домой... отключаться вручную.

Ага. Спасибо за совет. Тут-то меня и проследят, в момент обрыва связи...

– Через сутки, когда на моем компьютере сработает таймер безопасности, – кричу я, – ваша блестящая идея рассыплется в прах и вы пожалеете о своей глупости! Я честный человек, я плачу налоги! Я поставлю на ноги всю полицию Диптауна!

– Возможно, хоть и очень маловероятно, – говорит Человек Без Лица. – Что ж, если мы убедимся, что вы честный хакер, – в последних словах изрядная доля сарказма, – то никаких претензий к вам не возникнет.

– Вас поймают! – угрожаю я. – И навечно экскоммуницируют!

Экскоммуникация – самая страшная угроза для любого жителя Диптауна. Трудно жить без виртуальности, если хоть раз в ней побывал.

– Думаю, этого не случится.

Человек Без Лица распахивает плащ жестом опытного эксгибициониста. На изнанке плаща – круглый радужный диск. Вьющаяся, мерцающая спираль в обрамлении синевы.

Вот те раз. Он сам из полиции. Как минимум – комиссар, раз имеет радужный жетон.

– Давайте, давайте... – говорю я упавшим голосом. – Знал я, что легавые – скоты, но что настолько...

– Выслушайте меня для начала.

– А что мне остается? – кричу я. – Что?

Выхватываю револьвер и сажу в дверь все шесть пуль. Шесть рикошетов. На стеллажах начинают взрываться и гореть коробки с софтом. Под потолком с шипением оживают форсунки противопожарной системы, и через секунду вирусы обезврежены.

– Кончайте истерику, – говорит Человек Без Лица. Кажется, с легким сомнением в голосе.

Запускаю в него револьвером, тот проходит насквозь, падает у стены.

– Вас успокоить?

Голос ледяной и ничего хорошего не предвещающий.

Сажусь на пол, хватаюсь за голову, шепчу:

– Гады... гады... козлы позорные...

– Нам плевать на твои забавы в *глубине*, дайвер. Воровство – это плохо, но Урману давно пора получить свой щелчок по носу.

Тихо ною, раскачиваясь из стороны в сторону.

Человек Без Лица игнорирует мой спектакль.

– Преступления были, есть и будут. Я не Христос и на абсолютную праведность сам не претендую. У меня иные за-

дачи.

– А у меня маленький и законный бизнес! Чего вы хотите?

– Уже лучше. Господин дайвер, вы слышали о Заблудившемся Пойнте? Или о Боссе-Невидимке?

Вот чего не ожидал – так это древних баек. Поднимаю голову.

– Пойнт – это старое название низового пользователя компьютерной сети?

– Да. Сети «Фидонет»... была такая.

– Кажется, слышал. Это про паренька, которого убило током в момент пребывания в виртуальности? И его сознание каким-то образом осталось жить в сети?

– Да. Юноша с бледным лицом и в обгоревшей одежде, который просит встречных передать на тринадцатый московский узел, что пойнт шестьсот шестьдесят шесть заблудился... А про Босса-Невидимку?

– Дайте стул, – поднимаюсь с холодного бетонного пола.

– Идемте.

Мы проходим вправо, за стеллажи с коробками программного обеспечения для «Макинтошей». Неликвид, мало кто сейчас пользуется этими компьютерами. Были люди и неандертальцы, а потом были IBM и «Эппл». Тупиковые ветви нежизнеспособны.

За стеллажами обнаруживается маленький стол с разбросанными на нем бумагами, два стула. Садимся.

– Босс-Невидимка – это сказка тех же времен, – говорит

Человек Без Лица. – Босс – более старшая ступень в иерархии сети «Фидонет». Именно к нему обращались желающие стать пойнтом, приобщиться к виртуальности... Впрочем, тогда виртуальности еще не было... Легенда гласила, что порой «чайники» находили себе очень хорошего босса... который предоставлял им наилучшие условия – доступ в сеть в любое время, высокую скорость передачи данных, подключение к любому клубу... тогда они назывались эхоконференциями.

Я машинально киваю.

– И все было хорошо, – кажется, Человек Без Лица не заметил моей оплошности, – пока кто-нибудь из пойнтов не узнавал, что телефонного номера, по которому он связывается с боссом, не существует, а его самого никто и никогда не видел. После этого Босс-Невидимка посылал всем своим пойнтам письмо: «Зачем вы преследуете меня?» – и исчезал.

– Богатый был фольклор, – соглашаюсь я. – Помню еще про безумного модератора и про эхоконференцию «Тут умри!».

– Я тоже начинал с сети «Фидонет», – говорит Человек Без Лица.

Молчу.

– Господин дайвер, в отличие от Урмана я не стремлюсь выяснить вашу личность. Но... знаете, что самое забавное? И ему, и мне вы нужны для одной и той же цели.

– Отловить Заблудившегося Пойнта?

Человек Без Лица тихо смеется.

– Это байка... родившаяся на стыке времен, когда Интернет, «Фидонет» и прочие превращались в единую виртуальность. Сейчас ее уже мало кто помнит. Всего пять лет прошло – а сколько забыто?

– Ничего не забыто. Погребено под более свежей информацией, но по-прежнему живо.

– Одно и то же, дайвер, суть не меняется.

– Зато сегодня родилась новая легенда.

– Какая же?

– О Человеке Без Лица.

Мой собеседник качает головой:

– Вряд ли она столь интригующая, как бледный юноша в дымящихся одеждах...

Мы оба тихо смеемся.

– Итак, господин дайвер... Вам приходилось играть в «Лабиринт Смерти»?

– Возможно.

– Вы знаете, что с ними сотрудничают два дайвера?

– Допускаю...

Даже два? Я был уверен, что «Лабиринт» обходится услугами одного спасателя...

– Я могу дать вам их адреса... сетевые или реальные.

Ничего себе!

– Один из них украинец, другой – канадец. Первый проживает...

– Не надо, – с некоторым усилием отвечаю я.

– Как интересно! Я думал, что узнать личность дайвера – общая мечта! Не исключая самих дайверов!

– Это мечта из разряда самых гнусных преступлений... по нашему кодексу.

Я первый раз признаю, что являюсь дайвером. Но вряд ли мой собеседник в этом сомневался.

– В «Лабиринте» возникла проблема... и эти двое с ней не справляются... – Человек Без Лица перегибается через стол, берет бумажку, ручку, пишет короткий адрес. Правильно делает, что не пытается дать визитку – я не взял бы файл из его рук. – Вот мои координаты. Когда вы посетите «Лабиринт», предложите администрации свои услуги и попробуйте решить проблему – свяжитесь со мной. Позовете... Человека Без Лица.

Он не настроен ничего более уточнять. И кажется, несколько не сомневается, что я кинусь в «Лабиринт».

– Зачем мне это?

Человек Без Лица вынимает из кармана плаща маленький значок. Он чем-то похож на его полицейский жетон, только фон значка белый, а в центре не спираль, а радужный, сотканный из тончайших нитей, вращающийся шарик.

– Затем.

Значок ложится на стол между нами. Я смотрю на него, но не решаюсь дотронуться.

Вдруг исчезнет?

Когда леди Винтер получила от кардинала Ришелье указ «Все, что сделано этим человеком, сделано во благо Франции», это было несколько менее круто.

Передо мной легендарная Медаль Вседозволенности. Право делать все, что только можно делать в *глубине*.

Фридрих Урман открыл бы дверь и лично проводил меня до моста, увидев этот значок.

Возможно, потом он нанял бы киллеров, чтобы рассчитаться со мной. Но в *глубине* был бы предельно вежлив.

Мне еще не доводилось видеть Медаль Вседозволенности воочию. Я знаю, что в свое время такую же получил Дмитрий Дибенко – за создание самой *глубины*.

Надо совершить что-то жизненно важное для всего виртуального пространства, чтобы отныне любые твои действия считались благом.

– Она будет вас ждать на этом столе, – говорит Человек Без Лица. – Вы получите ее... если справитесь.

Молча киваю.

– Учтите, будут и другие претенденты, – сообщает Человек Без Лица. – Мы ищем дайверов по всей *глубине*. И многих найдем. И сообщим то же самое, что и вам.

– Что там, в «Лабиринте»? – спрашиваю я, отводя взгляд от медали.

– Не знаю. Это меня и тревожит.

Позволяю себе ухмыльнуться – так уж и не знает...

– До сих пор все происходящее в виртуальности имело

аналоги в реальном мире. Развлечения, бизнес, наука, связь.

Интересно, что на первое место он поставил «развлечения».

– Теперь кое-что изменилось... Удачи вам, дайвер. Вы можете идти.

Человек Без Лица кивает в сторону двери.

– Я уйду своим путем.

– Решили открыться?

– Нет, конечно.

Смотрю на прощание в мутный туман его лица.

Глубина-глубина, я не твой...

Я снял шлем и неуверенно потянулся к модему. Выдернул телефонный провод из гнезда.

– Обрыв связи! – сообщает Вика.

– Знаю, девочка.

Вот так, таинственный незнакомец. Все очень просто. Не стандартный выход, который можно проследить, а мгновенно обрезанная нить.

Варварство, конечно. Зато никакого обмена информацией между моим адресом и тем компьютером, в котором смоделирован склад.

– Нет тонового сигнала в линии, – говорит Вика. – Проверьте провод.

– Выключайся.

– Серьезно?

– Да.

Экран заливает голубой фон с белой падающей фигуркой.

– Теперь ты можешь выключить компьютер... – сонно шепчет Вика.

Спокойной ночи тебе, самая верная из моих подруг. Я щелкнул выключателем питания, и тихий гул машины смолк. Потом выключил модем. Мне нужна спокойная ночь, пусть вся почта подождет до утра. Впрочем, уже полчетвертого... небо светлеет.

И очень хочется спать. Голова гудит от обилия информации.

Я стянул виртуальный комбинезон... черт, как воняет потом, давно пора почистить. Плюхнулся на тахту. Хорошо, что не стал вчера заправлять. Какой же я стал... предусмотрительный.

Уже года три, пожалуй...

Когда я проснулся, было без четверти час. Тихо бормотал включившийся в десять телевизор. Обесточенный компьютер укоризненно молчал на столе.

– Хорошо... – прошептал я в потолок.

Квартиру стоит сменить. Купить нормальную двухкомнатную в центре, в хорошем кирпичном доме, с видом на Неву. Не в этом, гнилом и продуваемом насквозь пролетарском районе.

И Вику тоже переселим в новые апартаменты. Куплю новенькую «семерку», бранднейм, с лицензионным софтом, сотней-другой мегабайт оперативной памяти, или попросту – «мозгов». Голографический винчестер на тысячу терабайт, радиомодем, сверхчувствительный микрофон от «Сименса»... цветной принтер, не знаю зачем, но пусть будет, нормальный сканер вместо ручной лабуды, выделенную телефонную линию от новой АТС... черт, и пятидесяти штук маловато!

Впрочем, зачем мне две комнаты? У меня и так кухня пустая, холодильник и микроволновку я давно перетащил в комнату, а воду ближе в ванной набирать.

Решено, справлю Вике новоселье. Не стыдно будет друзей позвать.

Я встал, добрал до холодильника, вынул банку пива. До

двенадцати я не пью, но ведь сейчас уже почти час. Как удачно проснулся!

Легонький «Schultheiss» с утра казался почти крепким. Все, прощайте, «Амстердам-Навигатор» и «Бавария-86», верные друзья бедных хакеров. Только «Гиннесс», «Хайникен», «Килкенни»... И вместо бельгийской вареной колбасы – нормальный московский сервелат и буженина. А еще... ну, например, кофеварку купить. Хватит с меня растворимого!

Когда я стал бриться – впервые за два дня – и ощутимо порезался, фантазия нувориша подсказала мне еще «Шик-протектор». Больше ничего в голову не шло, только мелькали какие-то сумбурные идеи о второй телефонной линии и втором модеме – чтобы, пока я блуждал в *глубине*, Вика могла перекачивать почту и выполнять всякие несложные поручения.

Впрочем, это все-таки излишество. Маньяк, и тот второй линии не имеет.

Кстати, ему я должен пиво. Очень похоже, что вчера он спас меня от смерти.

И с пивом лучше не тянуть. У меня появилось подозрение, что через неделю я смогу угостить его лишь «Навигатором»... в общем-то тоже пиво, крепкое, со своеобразным вкусом...

Я включил компьютер, подключился к Интернету и минут через десять, без всякой виртуальности, перевел пять тысяч долларов на свой питерский счет. Порылся в шкафу, выбрал

рубашку посвежее и старые, но чистые джинсы, сунул в карман паспорт и «Визу». Что еще? Ах да, пиво...

На балконе грустила ободранная пятилитровая канистра. Открутив пробку, я принялся. Пахло прокисшим «Жигулевским». Канистру пришлось споласкивать в холодной, потом горячей, потом снова холодной воде. Засунув ее в авоську, болтавшуюся на гвоздике в прихожей еще от предыдущих владельцев квартиры – никак руки не доходят выкинуть всякий хлам, – я выскочил из дома.

Насколько чище и аккуратнее мой подъезд в виртуальном пространстве! И нет этого вечного запаха затопленного подвала и бездомных кошек!

Выбравшись из переулков, я встал на обочине и поднял руку. Голосовать пришлось долго. Наконец потрепанный «жигуленок» снизошел до того, чтобы остановиться.

– К «Кредо-банку», – бросил я.

Как ни странно, водитель знал маршрут.

Минут через двадцать, выложив остатки наличности, я, под остекленевшим взглядом охраны, входил в чертоги тайных и явных капиталов. Еще через двадцать, заполненных всеми возможными проверками, прозвонами в головное отделение банка и просьбами уточнить номер счета, подобревшие работники банка выдали мне тысячу долларов. В рублевом эквиваленте, конечно.

А еще через четверть часа я вошел в ирландский пивной бар «Молли», что на улице Рубинштейна, тридцать шесть.

Днем тут не оченьлюдно, и это меня спасло. Мордовороты у входа были расслаблены и при виде канистры в авоське впали в ступор. Я торжественно прошел мимо окошка гардеробной в уютный сумрак полуподвала, прошествовал к длинной стойке и улыбнулся бармену.

Бармен в «Молли», к счастью, англичанин. Что ни говори, а в чем-то они нас здорово превосходят. Он улыбнулся и вопросительно уставился на меня.

– Добрый день, Кристиан, – сказал я. – Можно пять литров пива?

Отпускать пиво литрами он явно не привык. Но ему понадобилось лишь секунд пять, чтобы улыбнуться повторно.

– Какого пива?

– «Жигулевского».

Охранники за спиной – они почему-то решили заглянуть вслед за мной в зал – шумно задышали.

– Шучу, – объяснил я. – «Гиннеса», конечно.

И протянул Кристиану канистру.

Самообладание – это, наверное, одно из обязательных качеств лучших барменов Европы. А Кристиан в их число входит. Он небрежно взял канистру, подкинул в руке, словно прикидывая объем, и стал, наполнять из сверкающего крана.

Мордовороты за спиной тихо сходили с ума. Меня это безмерно веселило.

– Ждите отстоя пены, – с сильным акцентом сказал Кристиан, ставя канистру на стойку. Ух ты, какой молодец! Я

в «Молли» бываю редко, такого знания предмета за ним не замечал.

– Тогда еще кружечку здесь, – сказал я и оглянулся.

Мордовороты сделали вид, что изучают батареи бутылок за спиной Кристиана. Так. Пока они не убедятся в моей кредитоспособности, пива спокойно не выпьешь.

Я медленно wygrеб из правого кармана джинсов охапку бумажной мелочи. Стал разглядывать. Дыхание охранников снова участилось.

Блин, ну неужели я так погано выгляжу?

Из левого кармана появилась на свет толстая пачка сто-тысячных. Я положил три бумажки на стойку, взял кружку и повернулся.

Кажется, здесь кто-то стоял? Нет, наверное, показалось...

Сев за ближайший столик, я потихоньку, с чувством, наслаждался лучшим пивом из придуманных в этом грешном мире. Потом забрал у веселящегося (Европа! Их так просто не проймешь!) бармена канистру и, поколебавшись, забрал сдачу. Ничего. Пиво и так недешевое.

А ведь в *глубине* — что «Бавария» в банках, что «Гин-несс» из бочки – почти нет разницы в цене...

Теперь машину удалось поймать быстрее или просто время ускорило свой бег? Я нырнул в дребезжащую «волгу» и радостно выпалил:

– Гони к Маньяку!

На меня уставились два очень больших и круглых глаза.

– Вылазь, – так же кратко предложил водитель.

Останавливая следующего желающего подзаработать, я мысленно напоминал себе, что нахожусь не в виртуальности, где терпеливая Вика превратит несложную команду в понятный адрес, а в реальном мире.

Маньяк живет на Васильевском. Я с пыхтением забрался на пятый этаж – в ту пору, когда строили этот дом, лифт еще был новинкой – и позвонил. Раз, другой, третий... пауза. Раз-два. Даже если Маньяк в *глубине*, подключенный ко всем квартирным проводам компьютер подчинится кодовому звонку в дверь и выведет его из виртуальности.

В глубине квартиры слышались шаги. Я быстро закрыл глазок пальцем.

– Кто? – мрачно спросил Маньяк.

– Рэкет заказывали?

Пауза. Маньяк явно только что из *глубины* и к юмору малорасположен.

– Кто?

– Блин, я это! – Я убрал палец.

Маньяк загромыхал замками, открывая. Я вошел. Маньяк оказался в виртуальном костюме на голое тело и с помповым ружьем в руке. Ружье было здоровенное, рядом с ним худощавый и узкоплечий хакер казался ребенком, играющим в войну.

– Ого, – только и сказал я.

– Да... шарился тут у одного типа на компе... еле ноги унес. – Маньяк был немногословен. Запер дверь, покосился на канистру, сочувственно спросил: – Что, на мели?

– Да нет, не совсем.

– У меня есть пара бутылок «Балтики»...

– Тут «Гиннесс», – гордо заявил я. Маньяк задумчиво посмотрел на канистру. Бросил:

– Извращенец...

Я прошел за ним на аккуратную кухоньку, опасливо спросил:

– А где... твоя?

– У своих.

– Поссорились, что ли?

– Почему поссорились? – возмутился Маньяк. – Жены дома нет – сразу поссорились? Так, матушку решила проведать... ну повздорили малость.

– И чего так?

– Да... на красный свет пошел...

Я кивнул. Трудное это дело – жить в *глубине* и быть женатым человеком.

Ну какая, к черту, измена – заглянуть в виртуальный публичный дом? Там же все – ненастоящее!

Мы сели за стол, Маньяк, порывшись в холодильнике, достал пачку сосисок, кусок сыра, потом притащил из своей комнаты два огромных глиняных бокала. Я торжественно налил пиво.

– И впрямь «Гиннесс»... – признал Маньяк, рисуя пальцем на густой пене букву «М». – Это ж надо...

– За любовь, Шурка!

– Угу, – мрачно сказал Маньяк. Осушил бокал, крякнул: – Да. Любовь. Блин, бес попутал! Надо было от хвоста избавиться... парочка ламеров увязалась... Решил заглянуть в «Земляничную поляну».

– На фига?

– А ты что, не в курсе, какие системы безопасности в виртуальных борделях? – поразился Маньяк. – Там же постоянно сенаторы, думцы, бизнесмены... всяческие денежные мешки. Отсекает от преследователей начисто!

Я покачал головой. Не знал. Стыдно признаться, но в эти заведения я вообще не заглядывал...

– Ну решил полчасика переждать, – продолжал рассказывать Маньяк. – Не будешь же *там* торчать как дурак, в одиночку! Позвал одну девчонку... сидели, пиво пили... «Гин-несс»! – в припадке откровенности признался он. – Ну и... как-то само собой... а в самый интересный момент – бац! Плюха по морде! Девчонка меня целует, а мне больно! Потом внепрограммный выход из *глубины*... Галька шлем из порта выдрала.

Он налил себе еще пива. Я сочувственно кивнул. Внепрограммный выход – это неприятно.

Для не-дайвера.

– Перемелется, – сказал я. – В первый раз, что ли?

– Она сказала – в последний, – мрачно сообщил Маньяк. – Я год в эти бордели не заглядывал! У меня даже комбинезон – без секс-стимулятора!

– А у меня с ним, – сказал я. – Только я в бордели не заглядываю.

– Ну и зря. Гуляй, пока молодой...

На самом деле Маньяк моложе меня на два года. Но он крутой хакер, а я простой «чайник». И еще он женат, причем во второй раз.

– Ладно, расслабься. Завтра помиритесь.

– Помиримся, – согласился Маньяк. – Надо будет хоть сегодня оттянуться...

Мы обменялись понимающими улыбками и отхлебнули пива.

– Купи Гальке женский комбинезон, – предложил я. – За-тащи в *глубину...* и *ноу проблем!*

– Еще чего, – буркнул Маньяк с явной опаской. – Ты видел баб, которые виртуального секса попробовали? У них же психика... другая. Их потом ни один нормальный мужик не удовлетворяет!

Я кивнул, хоть и не представлял толком женщин, помещенных на виртуальном сексе. Мужчин – представлял. На этом многие рехнулись, потому я и не спешил. Одно дело – эксперименты с жаждущими приключений девчонками, другое – профессионалки из виртуальных публичных домов.

– За здоровье, – предложил я.

Мы выпили и наполнили бокалы по третьему разу. Канистра ополовинилась, на душе похорошело.

– За узел пять-ноль-тридцать, двести семь... – сказал Ма-

няк. – За старое «Фидо»...

Мы выпили молча и не чокаясь. Как за покойника.

– Все ведь меняется, Шурка, – тихо сказал я. – Была «сеть друзей», болтовня обо всем на свете, зависть к Интернету, ругань в адрес «Майкрософта». А теперь нет ни Интернета, ни «Фидонета». Только виртуальность. А для нее «форточ-ки» – самая удобная программа.

– Халтурщики они, – упрямо заявил Маньяк. – Ты что, по-прежнему «Виндоус-Хоум» юзаешь?

– Да.

– Может, ты и прав, – тоскливо сказал Маньяк. – Приятный голосок, советы по поводу количества мозгов и качества железа... тьфу! Думать не надо, води стрелочкой по экрану да на картинки гляди!

– А ты все полуосью балуешься?

– Почему «балуясь»? – возмутился Маньяк. Лучшая операционная система, если не считать «юникса»! Позавчера новую версию поставил, блеск, а не программа!

– Каждый раз, как к тебе захожу, это слышу, – сказал я. – «Поставил... новую версию... три дня с ней трахался...» А у меня два года «Виндоус-Хоум».

– Каждому свое, – признал Маньяк. И неожиданно спросил: – Слушай, Леня, а как ты со своих «форточек» влез в «Аль-Кабар»?

Я отвел глаза.

– По сети слух прошел, два дайвера нагрели «Аль-Ка-

бар», – вкрадчиво сказал Маньяк.

Я сделал последнюю попытку уйти в сторону:

– Почему двое? Один дайвер... и один помощник.

Маньяк тихо засмеялся:

– Ты меня за ламера не держи, Леня. А то такой приветик по почте получишь, весь *софт* заново ставить придется... Дайверы простой народ в подручные не берут.

Я молчал, глядя на Маньяка.

– Ясно, – сказал он. – Что ж, за удачу. За богатых дураков и умных хакеров.

Мы чокнулись.

– Что там было, Ленька?

– Лекарство от насморка.

– Серьезно? Круто...

Мы сжевали по паре сосисок, а я тоскливо подумал, что моя анонимность дала все-таки брешь. Вчера меня пытались поймать трижды.

Сегодня просто-напросто вычислили.

– Леня, я не знаю ни одного дайвера, – сказал Маньяк. – И не собираюсь их ловить. У меня комплексов нет... особенно к друзьям.

– Спасибо, – сказал я.

– Знаешь... только один вопрос.

Вот всегда у хакеров находится *один* вопрос. Они думают, что можно спросить что-то такое, после чего все тайны дайверов станут понятны.

– Ну?

– Когда дайвер решает выйти из виртуальности – что он делает? Просто думает: хочу, мол, оказаться в реальном мире? Или как?

– Я слышал, что один дайвер... – я отвел глаза, – при этом бормочет глупую фразу.

– Какую?

– *«Глубина-глубина, я не твой».*

– И все?

– Иногда он еще добавляет: *«Отпусти меня, глубина».*

– И все? – уныло спросил Маньяк.

– Да.

– Просто-то как...

Маньяк порылся в карманах, достал пачку «Лаки Страйк», закурил. С легкой обидой сказал:

– Раньше было просто. Есть хакеры, есть честные «чайники», есть ламеры. Первые – умеют все. Вторые – учатся. Третьи – дураки, над ними и поиздеваться не грех. Вот ты... как был «чайником», так им и остался!

– Да, – согласился я.

– Но вот появилась *глубина*... казалось – все наши мечты сбываются. – Маньяк горько засмеялся. – А на деле – фиг! Я, крутой хакер, – с вызовом заявил он, – в виртуальности один из миллионов! Ну, посмышленнее, наверное. Опыт есть какой-никакой! А все равно... порой такое бывает...

Он замолчал, вертя в руках сосиску. Потом сообщил:

– Я на днях мышь съел.

– Что?!

– Мышь. Компьютерную. Ну, не самую мышь, она твердая... провод перекусил.

– Зачем? – тупо спросил я.

– Случайно. Был в *глубине*. Сидели с ребятами в «Радуге», пиво пили с копченой рыбкой... Ну, у меня рыбка кончилась, взял с тарелки у Макса...

– Макс ведь пива не пьет!

– А он «Фиесту» пил.

– С копченой рыбой?!

– Чтобы не выделяться... – Маньяк вздохнул. – Ну, видно, тянуться далеко было... вот и дернулся в реальности. Когда вышел – смотрю, у мышки провод перекушен! И вроде немножко его не хватает...

– Живот не болит?

– Нет, пока ничего...

Мы наполнили бокалы.

– Или вот, – продолжил Маньяк. – «Лабиринт Смерти» знаешь?

– Да. – Я мигом протрезвел.

– Недавно решил развеяться, заглянул сразу на семнадцатый уровень. Там сейчас такого понаделали! Кошмар, а не игрушка... в общем, я завяз.

– То есть?

– Не смог пройти на следующий уровень. А без этого ме-

ню выход не появляется.

– И что?

– Сидел тридцать шесть часов, – зло сказал Маньяк. – Нас там целая компания собралась... идиотов. Раз по десять нас пристрелили, потом мы просто забаррикадировались, сидели в одном подвальчике, песни пели, от монстров отстреливались... пока у нас таймеры не сработали.

– У тебя непрерывное пребывание в *глубине* – тридцать шесть часов?

– Теперь – двадцать четыре.

– А что же Галька?

– Да... она у тещи была... Ленька, а у тебя какое ограничение по времени?

– Я снял запрет, – признался я.

– Понятно... дайвер... – Шурка принужденно засмеялся. – Черт! Никогда не верил в вас до конца, хоть и подозревал!

– Меня, что ли?

– Конечно. На фиг «чайнику» боевые вирусы и противоядия?

Мне стало немножко грустно. Что-то изменилось в наших отношениях. И слишком резко. Может быть, со временем это пройдет...

– Шурка, я все равно ни черта не умею – кроме как выходить из виртуальности. Для меня любая программа – это куча бессмысленных символов и пусковой файллик.

Маньяк кивнул:

– Понимаю. Но скажи – ты бы поменялся со мной местами? Что интереснее – творить *глубину* или повелевать ею?

Я молчу.

– Наливай... – со вздохом сказал Маньяк.

У Маньяка я просидел до позднего вечера. «Гиннесс» сменился «Балтикой» номер шесть, а на десерт Шурка откопал банку рождественского «Кроненбурга». Ни ирландское, ни питерское, ни французское пиво не подкачали.

В глубине души я был рад, что хоть кому-то открылся. Мои друзья-хакеры делятся на две группы – одна хранит тайны до первой бутылки пива, вторая, после этой самой бутылки, ее как бы забывает. Шурка – из второй.

По крайней мере теперь он будет знать, для чего мне весь разнообразный вирусный софт, который я правдами и неправдами выманиваю у него.

Насколько проще было бы, не затягивай *глубина* так сильно, думал я в такси по дороге к дому. Насколько правильнее и легче.

Не было бы деления на счастливчиков и неудачников, которое ничем не сломать. Не было бы этого безумия – великодушных программистов, не способных перейти грань между иллюзией и явью, и неумех вроде меня, не замечающих этого барьера.

Не было бы зависти друг к другу – и вечной охоты.

Но разве я виноват? Я и сам не знаю, почему так происходит, какая ошибка сознания, а ведь это именно ошибка – мы в меньшинстве – делает из человека дайвера. Не пользоваться-

ся своей способностью глупо. Предлагать ее для всеобщего изучения – страшно.

Так уж получилось. Кто-то прыгает на восемь метров в длину, кто-то пишет стихи, кто-то неподвластен виртуальности. Но почему нас так мало? Настолько, что считать приходится не в процентах, а поголовно...

– Здесь? – спросил водитель.

– Да, спасибо.

Я расплатился, выбрался из машины, пошел к подъезду, чувствуя себя раздутым, как воздушный шарик. Сейчас надо либо завалиться спать, смирившись с утренней разбитостью, или нырять в *глубину*. Она хорошо снимает похмелье.

На втором этаже подъезда, там у нас почему-то всегда горит лампочка, сидело человек пять подростков. Перекидывались картишками прямо на полу, о чем-то вполголоса разговаривали... нет, скорее не разговаривали – перерыкивались. Двоих я знал, трое казались незнакомыми. Маленькая стая мелких хищников. Такая с удовольствием загрызет одиночку в темной подворотне. Но здесь я в безопасности. Возле норы хищники не охотятся.

– Здравствуйте, – буркнул парнишка, который живет над мной. В точно такой же однокомнатной, с родителями и старшей сестрой, частенько приходящей только под утро. Слышимость у нас прекрасная, я в курсе всех их проблем и скандалов.

– Привет, – сказал я.

– Леня, у вас сигарет не будет?

Я старше его лет на пятнадцать, но подростки держат меня почти за сверстника. Возможно, потому, что я не женат, а в моем мусоре преобладают пустые пивные банки.

– Сейчас.

Сам я не курю, но дома всегда валяется пачка-другая сигарет для заходящих хакеров. У них курение – профессиональная черта.

Паренек терпеливо переминался за дверью, пока я поставил канистру, включил свет и порылся в шкафу.

– Держи.

Он благодарно кивнул, открывая пачку, я махнул рукой – забирай всю – и запер дверь. Хищников надо прикармливать. Чуть-чуть. Чтобы не обнаглели и даже в затуманенных выпивкой мозгах мелькала мысль, что я «нормальный мужик».

Я быстро разделся, покидал одежду на кровать, пошел в ванную. Постоял немного под холодным душем.

Нет, никакого сна. *Глубина* ждет.

Весь день я старался не думать о Человеке Без Лица и о Медали Вседозволенности, лежащей на складе. Но теперь, в темноте, когда виртуальность приближалась все ближе, они не выходили из головы.

Человек и Медаль.

Кнут и пряник.

Что такого могло случиться в «Лабиринте», с чем не спра-

вились два дайвера? Профессионалы, работающие хоть и анонимно, но по постоянному контракту? Знающие «Лабиринт». До последнего закоулка...

Что-то, не имеющее аналогов?

Очень странно.

Я вытерся, бросил полотенце в таз с грязным бельем, вернулся в комнату, щелкнул тумблером питания компьютера и стал натягивать комбинезон.

– Добрый вечер, Леня, – сказала Вика.

– Привет, старуха.

Женское лицо на экране улыбается. Нет, наверное, я не прав. Надо поставить другую реакцию на слово «старуха» – легкая обида, надутые губки, чуть отведенный взгляд.

– Почта есть?

– Семь писем.

– Читай.

Ничего интересного в почте не было. Приглашения посетить два вновь открывшихся клуба, прайс-листы какой-то маленькой торговой фирмы, письмо от Маньяка, отправленное им еще утром...

– Все стереть, – сказал я, усаживаясь за компьютер. Воткнул штекер комбинезона, надел шлем. – Вика, подключайся к Диптауну... через резервный канал. Личность номер семь.

Этим входом я не пользовался уже месяца три. Так же как «личностью» – стального цвета костюм, черная рубаш-

ка, шейный платок, высокие кожаные ботинки, гибкое худощавое тело, смуглое узкое лицо, волосы до плеч, низкий и сильный голос.

– Резервный канал, седьмая личность, – подтвердила Вика.

Радуга перед глазами, фейерверк, жадное полыхание огненной волны. *Глубина.*

Я сижу в крошечной комнатке. Кровать, стол с компьютером – не моим, а каким-то совершенно абстрактным, дверь.

Гостиница «Начало пути». Здесь по дешевке арендуют номера те жители Диптауна, которые бывают в *глубине* нечасто.

– Все в порядке, Леня?

– Да.

Открываю дверь, выхожу. Длинный коридор, усеянный дверями. У одной двери стоит Сильвестр Сталлоне и с восхищением разглядывает свои руки.

– Привет, Слай, – бросаю я, проходя мимо. Почти наверняка парень русский, и уж совершенно точно – новичок.

– Похож? – с надеждой спрашивает парень.

– Да... – Я останавливаюсь. Пиво настраивает меня на благожелательный лад. – Первый раз в *глубине*?

– Где?.. Да, первый.

– Надевать внешность известных людей – это дурной тон. И признак новичка. Постарайся сконструировать свою собственную личность... возьми, например, «Биоконструктор» и повозись немного.

– «Биоконструкгор»? – смущенно спрашивает парень.

– Да. Простая программа, с русским интерфейсом. Валяется на всех серверах в разделе для новичков.

– Спасибо... – «Сталлоне» бредет следом. Я замечаю, что он начал сутулиться, словно стесняясь своей внешности. Хороший признак.

Мы вместе входим в лифт, спускаемся на первый этаж. Холл довольно просторный, в нем дежурят четверо портье и двое охранников.

– Подойди к кому-нибудь, – советую я, – и попроси проконсультировать. – Куда пойти для начала, как себя вести...

– Неудобно...

– Неудобно быть дураком. Эти ребята здесь для того и сидят. На улицах спрашивай совета у людей с нашивкой на рукаве в виде раскрытой ладони, это помощники-добровольцы. Или у полиции. Ты поставил таймер?

– Да, конечно! На два часа!

– Ну и прекрасно. Потрать четверть часа на беседу с портье. Сэкономíš куда больше. Счастливого плавания.

– Счастливого плавания! – восхищенно говорит мне вслед новичок. Приятно быть старожилом.

Подмигнув портье и кивнув на «Сталлоне» – а то еще постесняется сам подойти, я выхожу из гостиницы. Поднимаю руку, мгновенно останавливается такси. Это не реальность...

– Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас, Стрелок! – говорит водитель.

– В «Лабиринт Смерти», – говорю я. – К административному корпусу.

Есть игры. И есть Игры.

Разница в долголетию.

Компьютерная индустрия выпускает до тысячи игр ежегодно. Как рассчитанных на *глубину*, так и простых, для обычных пользователей.

Обычно игра активно живет с полгода. Расходится законными и незаконными каналами, обсуждается. В ней вылавливаются все заложенные создателями и случайные хитрости. Потом она умирает... сохраняясь у сотни-другой фанатов.

Бывают исключения – и тогда игра живет годами. Появляются новые, куда более совершенные и красивые игры, но и старая сохраняет толпы приверженцев.

И есть три исключения, не умирающие еще с довиртуальной эры. «Doom», «С&С» и «Mortal Combat». Конечно, они менялись – десятки раз. Но это была скорее косметика, чем кардинальные перемены.

«С&С» – это стратегическая игра. Ее виртуальное пространство представляет собой всю планету. На этом безропотном полигоне несостоявшиеся Наполеоны и Жуковы ведут бесконечные войны за мировое господство, управляя в несуществующих штабах выдуманными армиями. Там гремят танковые гусеницы и взмывают в небо ракеты. Раз-

рабатываются новые, чудовищные вооружения, атомными взрывами выжигаются дотла мировые столицы. В этой игре не надо быть ловким или метким, здесь важно стратегическое мышление. Говорят, что за ней очень внимательно приглядывают военные... и порой удачливые игроки получают предложения поступить на действительную военную службу. Кого-то это отпугивает, но многих, наоборот, привлекает. Я немного играл в этих «солдатишков для взрослых». Игра, на мой взгляд, безобидная и спокойная. Расхаживаешь с чашкой кофе, в красивом мундире по штабу, заполненному вышколенными адъютантами, и говоришь: «А не сбросить ли нам термоядерную бомбу на Лос-Анджелес?»

В последний год игра чуть изменилась, теперь ее надо начинать лейтенантом, командуя маленьким взводом в тактических схватках, подчиняясь чужим приказам, и постепенно подниматься до главнокомандующего своей страны. Появились возможности военных переворотов, предательства, партизанской войны «против всех»... Не знаю, наверное, игра стала интереснее. Но я любил прежние правила.

«Mortal Combat» – еще проще и незатейливее. Это мордобой в виртуальном пространстве. Можно надеть одну из сотен готовых личин или придумать свою – и принять участие в многодневном турнире за право сразиться с главным злодеем, мечтающим поработить всю Землю. Вот эта игра полезна до чрезвычайности. Нигде так не выпустишь лишний пар и нездоровые эмоции, как на мрачных аренах «Mortal

Combat», колотя противника пяткой по лбу или обрушивая на него магические заклинания. Хорошая игра. Я туда захожу раз-другой в месяц, но некоторые не вылезают из поединков. Говорят, что если особенно не злоупотреблять магией – которая, увы, в реальности недоступна, – то можно неплохо научиться драться. Но я в этом сомневаюсь. Все-таки одно дело «удар», который ты почувствовал при помощи виртуального костюма, и совсем другое – подлинная арматура, которой тебя огреют на улице.

И, конечно, есть еще «Doom». Та самая игра, с попадания в которую началась виртуальная эра.

Ее основное поле называется незатейливо – «Лабиринт Смерти». Это действительно лабиринт – пятьдесят уровней, часть из них расположена в зданиях и подземельях, часть – на улицах Сумеречного Города – такого условного мегаполиса, который был захвачен инопланетной цивилизацией. *Глубина в глубине, пространство в пространстве.* Со своими законами и правилами.

Игра начинается с первого уровня – полуразрушенного вокзала, куда игрок прибывает на дрезине, с одним-единственным пистолетом в качестве оружия. Вокзал заполнен монстрами – бывшими жителями Сумеречного Города и другими игроками. Кто из них опаснее, сказать трудно – монстры лучше вооружены, игроки, разумеется, умнее, чем машины. На вокзале можно найти оружие, защитное снаряжение, аптечки, пищу. Выбравшись с вокзала, попадаешь

на второй уровень – автостраду, где полно брошенных машин... ну и, разумеется, монстров и игроков. Для победы надо дойти до пятидесятого уровня – древнего собора в центре города – и уничтожить предводителя пришельцев. Это сложно. Я когда-то доходил. Но с тех пор «Лабиринт» менялся раз десять – появлялись новые здания, вооружения, монстры. И конечно, новые игроки, игровые наркоманы, уже не мыслящие жизни без перестрелок на улицах Сумеречного Города.

Это интересная игра. Прежде всего потому, что требует постоянного общения с другими людьми. Не «боя на смерть», как в «Mortal Combat», не обмена дипломатическими посланиями и угрозами, как в «С&С», а именно общения. Заключение союзов, уговоров, каких-то мелких житейских хитростей...

Вот только что необычного могло случиться в пространстве «Лабиринта»?

Административный корпус «Лабиринта Смерти» – двухэтажное здание на окраине Диптауна, облицованное розовым ракушечником. У него мирный и уютный вид, это скорее жилой дом, чем контора. В таких коттеджах, наверное, живут американские семьи среднего достатка. Вход в «Лабиринт» поодаль, и уж он выглядит куда эффектнее. Я стою в саду, разглядываю охранника перед дверью. Тот в маскировочном комбинезоне, стандартном обмундировании игроков, и со штуцером в руках. Морда – непроницаемая, стоит – не шелохнется. Человек или нет? Интересоваться глупо, тем более что хорошо сделанную программу отличишь от человека не сразу. Прохожу мимо охранника, оказываюсь в небольшом зале. Сквозь окна бьет яркий солнечный свет. Вдоль стен – журнальные столики, мягкие кресла. Посередине зала – стол посolidнее, за ним сидит улыбающаяся девушка. Секретарша, и похоже, живая.

– Здравствуйте, – говорю я.

Лицо секретарши чуть меняется.

– Добрый день, – говорит она. Голос мягкий, приятный. Похоже, меня переключили на русскую сотрудницу фирмы.

– Мне нужно встретиться с руководством, – начинаю без церемоний.

– Конкретнее, если можно.

Девушка – сама любезность. Но пробиться сквозь этот за-
слон не проще, чем через монстра у моста в «Аль-Кабар».

– У меня конфиденциальная информация для руковод-
ства «Лабиринта».

– И все же я прошу вас кратко изложить цель визита.

Что ж...

– Я хотел бы сообщить господину Гильермо Агирре, что
осведомлен о маленькой проблеме, возникшей на днях, и о
том, что сотрудничающие с вами дайверы не смогли ее ре-
шить. Я намерен предложить свои услуги в разрешении воз-
никшей проблемы.

Секретарша кивает:

– Минуточку.

Она неторопливо встает и выходит в одну из внутренних
дверей. Я терпеливо жду. Все очень мило и патриархально.
Никаких компьютеров, никаких монстров. Не офис самого
мрачного и дорогостоящего аттракциона в истории челове-
чества, а мелкая контора по торговле туалетной бумагой...

Девушка отсутствует долго. Мне надоедает стоять, я при-
саживаюсь в одно из кресел, листаю разбросанные на жур-
нальном столике газеты. Тихо и мирно. Кроме меня – ни-
каких посетителей, хотя на самом деле они наверняка есть.
Просто мы не видим друг друга, а общаются они с другими
сотрудницами фирмы.

– Господин...

– Стрелок, – говорю я, вставая. – Зовите меня Стрелок.

Девушка кивает:

– Господин Гильермо Агирре примет вас.

В ее голосе легкое любопытство. Похоже, она не подозревала о том, что в «Лабиринте» существуют какие-то проблемы.

Вхожу в указанную дверь и замираю.

Это красиво.

Помещение неправильной треугольной формы, одна стена полностью прозрачная, из нее виден с большой высоты залитый красным закатным светом город. Не Диптаун... скорее Сумеречный Город. Стол начальника службы безопасности «Лабиринта», господина Гильермо, подковообразный. На нем три компьютерных монитора, клавиатура и больше ничего. Сам господин Гильермо уже поднимается навстречу. Пожилой, сухощавый, очень загорелый, в шортах и футболке.

– Здравствуйте. – Он первый протягивает руку. – Значит, вы – Стрелок, да? Зовите меня просто Вилли.

Вилли так Вилли.

Жму руку.

– Вы сказали такие интересные вещи... да? Про проблемы, дайверов, помощь... – Вилли смеется и машет руками. – Бах! Бах! Такая помощь?

Интересная программа-переводчик. Сильный акцент, слова-паразиты, словно Гильермо говорит по-русски самостоятельно. Сразу какое-то иное отношение к человеку...

– Давайте будем откровенными? – предлагаю я. Вилли Гильермо морщит лоб и кивает. – Я – дайвер.

– Да? – вежливо интересуется Вилли. – А что это такое? Улыбаюсь в ответ. Говорю:

– Наверное, ваши украинский и канадский сотрудники смогут быстрее это объяснить. Я имею в виду дайверов, работающих с вами на постоянном контракте.

Вилли смотрит на меня и молчит. Долго. Потом кивает.

– Я полагал, что Анатолий – русский. Он украинец?

Да. Человек Без Лица осведомлен лучше, чем начальник службы безопасности «Лабиринта».

– Это уже детали, – говорю я.

– Садитесь, Стрелок... – Вилли придвигает мне кресло, сам отходит к окну. Смотрит на залитый кровавым заревом город. – Значит, вы дайвер?

Киваю.

– Это крайне интересно. Это необычно! – Вилли поднимает указательный палец. – Все ищут дайверов, у всех есть просьбы, бизнес, вопросы... вы пришли к нам сами.

Молчу.

Вилли оборачивается.

– У вас красивый костюм, Стрелок, – говорит он. – К нему хорошо... кепи! Такое маленькое серое кепи!

Понятно. Незатейливый тест.

– Вика...

Вилли улыбается. Понятно. Тот же фокус, что и приме-

ненный человеком без лица. Я отрезан от своей операционной системы. Давно следовало ожидать подобных игрушек.

Глубина, глубина, я не твой...

Оказалось, что у меня болит голова. Пиво, однако...

Я снял шлем, потянулся к мышке. Запустил «Биоконструктор», торопливо выбрал из меню окошечко «Одежда», потом «Головные уборы», отыскал что-то среднее между беретом и кепи. Залил серо-стальным цветом. И нацепил на свою фигуру – личность номер семь, Стрелок...

deer

Ввод.

Берет на моей голове. Не знаю, о таком ли говорил господин Агирре. Но вроде бы он удовлетворен.

– Мы ценим работу дайверов, – произносит Вилли. – Но наши постоянные сотрудники справляются с ней. Надо время, небольшое. Мы предложим вам интересное дело. Да?

Качаю головой, берет съезжает набок.

– Господин Гильермо, – почтительно, но твердо отвечаю я. – Речь идет об одном конкретном вопросе, в котором я хочу помочь «Лабиринту».

Удивленно приподнятые брови.

– На днях в «Лабиринте» случилось странное происшествие... – Умолкаю, жду реакции. Вилли явно задумывается.

– Происшествие? – Кивок в сторону окна. – Тут каждый день тысячи происшествий. Война! Выстрелы! Веселье!

Неужели Человек Без Лица ошибся? Я начинаю чувство-

вать себя идиотом.

– Ваши дайверы... – начинаю я. – Вчера, например, они справились со своей работой?

Это единственное, что я знаю. Дайверы «Лабиринта» не оправдали надежд...

– А! – Вилли кивает. – А! *Неудачник!*

На всякий случай киваю.

– Это проблема? – Агирре становится серьезным.

– Насколько я знаю – да.

Пауза. Гильермо взвешивает что-то в мозгу.

– Господин Стрелок, что вам известно?

Врать бессмысленно. Передо мной не тот человек, с которым стоит блефовать.

– Очень немного. Мне сообщили, что в «Лабиринте» проблема. Что ваши дайверы не могут ее решить. Меня попросили оказать вам помощь.

Опять пауза. Я анонимен, и посвящать меня в неприятные стороны жизни компании рискованно. Но у Гильермо явно нюх на неприятности и на то, как их преодолевать.

– Вы подпишете разовый контракт? – Тон его становится быстрым и деловым.

– Да.

– Полное неразглашение ситуации, – добавляет он. – Со всеми возможными штрафными санкциями.

– Да...

– Прошу вас, Стрелок. – Он указывает на свой стол. Я

подхожу, полагая, что сейчас и состоится подписание документов о сотрудничестве. Но Вилли указывает на средний монитор: – Это тридцать третий уровень «Лабиринта», господин Стрелок. «Диснейленд».

Смотрю на экран, и уровень мне очень не нравится. Хотя бы потому, что во времена, когда я там был, он выглядел совсем по-другому.

– Очень, очень плохой уровень, – говорит Вилли. Уточняет: – Тяжелый. Это – начало. «Русские горки». Это, – он кладет пальцы на клавиатуру, и изображение смещается, – демон-хвататель. Плохой!

Как будто в воображении создателей «Лабиринта» рождались хорошие демоны...

– Это он... – Еще одно касание клавиш: – Неудачник.

Гильермо молчит, но не ради театральной паузы – ничего необычного на экране нет. Просто раздумывает.

– Значит, это и есть проблема, Стрелок? Да?

Ни один нормальный обитатель Диптауна не может выйти из *глубины* самостоятельно. Он просто не увидит свой компьютер, не сумеет ввести команду на выход или связаться с операционной системой голосом. Только в виртуальных домах, где стоят нарисованные аналоги настоящих компьютеров, подсознание милостиво делает поблажку. Из *глубины* выходят там, где вошли. В своем придуманном доме, который может быть дворцом или хижинкой, но с «настоящим» компьютером.

Поэтому и существуют таймеры. Они встроены во все программы – от майкрософтовского «Виндоус-Хоума» до российских «Вирт-Навигатора» и «Дип-командора». Предельное время нахождения в *глубине* — сорок восемь часов. Срок, за который человек не умрет от голода и обезвоживания. Здравомыслящие пользователи, правда, всегда устанавливают время поменьше. Пару часов, сутки... Маньяк, ставивший таймер на тридцать шесть часов, – уже исключение. Пробуждение человека, прогулявшего в *глубине* пару суток, зрелище... дурнопахнущее.

Конечно, таймер можно взломать и отключить. Или взломать и добавить пару нулей к сорока восьми часам. Но подобные камикадзе находятся редко, а конец их будет плачевен.

Например таков, как у Неудачника.

«Лабиринт Смерти» невозможно пройти за один раз. Просто не хватит сил. В виртуальности сон отступает, но все равно есть границы выносливости. Поэтому в конце каждого уровня игроки получают доступ к игровому меню, где есть возможность записать свои координаты и выйти в обычную *глубину*. Выйти, чтобы когда-нибудь вернуться.

Но иногда находятся оптимисты, решающие пройти «Лабиринт» за один раз. Повторить первое, легендарное погружение в виртуальность. Они взламывают защитный таймер, порой сами, порой пользуясь какой-либо хакерской программой. Отрезают себе гарантированную дорогу назад. И ныряют к самому дну.

Обратно их вытаскивают дайверы. Все крупные игровые центры имеют связь с кем-нибудь из нас. А те, что покрупнее, даже держат анонимных сотрудников на постоянном контракте. Дешевле платить нам, чем родственникам погибшего от истощения игрока.

Я смотрел на Неудачника. Тот был одет в обычный камуфляж-комбинезон, шлем-маску, из оружия у него был только пистолет. То ли так и вышел на тридцать третий уровень, то ли его уже убивали. После гибели в «Лабиринте» игрок автоматически восстанавливается в начале уровня с минимумом снаряжения.

– Чушь... – сказал я.

– Что? – заинтересовался Гильермо.

– Давно он там?

– Тридцать девять часов. Мы отслеживаем игроков с момента входа в систему.

Так. Значит, Человек Без Лица заинтересовался Неудачником почти сразу после того, как тот оказался в «Лабиринте»? Бдительно следил – и немедленно начал сбор дайверов.

– Его таймер мог быть поставлен на двое суток.

– Да. Ах, как неаппетитно! – Гильермо вздыхает. – Писать, какать в комбинезон... фу!

Почему Человек Без Лица забил тревогу?

Ведь ничего страшного пока не произошло. Просто еще один самоуверенный любитель игр.

– Он давно так сидит?

– Около суток. – Гильермо кивнул. – Да, странно. Он пробовал пройти уровень пять раз... потом смирился. Сел у входа.

– И что вы сделали?

– Послали Анатоля. – Гильермо разводит руками. – Он умеет это делать... выводить к концу уровня...

– И что же?

Информацию приходится тянуть клещами. Не потому, что Гильермо что-то от меня утаивает. Он просто не понимает, что именно меня интересует, привык общаться с подготовленными, понимающими с полуслова дайверами.

– Объясните все по порядку, Вилли.

Гильермо кивает.

– Игрок вошел на уровень двадцать девять часов назад. Пять раз пытался пройти, его убивали. Быстро.

– Демон?

– Нет, демона он... пах-пах! Другие игроки. Потом он уселся и стал сидеть. Мы послали Анатоля, тот повел Неудачника. Их убили. Анатолий пошел второй раз, но им опять не повезло. Клиента убили, Анатолий очень сердился. Всех пострелял, кто там был... – Гильермо снисходительно смеется. – Сегодня дайверы должны были пробовать вместе. Я запрошу отчет, да?

– Да, – говорю я, не отрывая взгляда от экрана. Молодой парень в комбинезоне и с пистолетом. Что испугало Человека Без Лица? Почему он считает, что происходящее не имеет аналогов? Почему предлагает за несложное задание Медаль Вседозволенности в награду? – Вилли, а еще что-нибудь странное происходило?

У меня появляется робкая надежда, что речь шла совсем о другом задании.

– Нет.

– Ничего?

– Ничего-ничего! – Гильермо разводит руками. – Мы беспокоимся о своих клиентах. В «Лабиринте» все под контролем.

Я смотрю на экран и жду.

– Так... – говорит Агирре с любопытством. – Так-так... Утром его пробовали вывести еще два раза. И днем... три

раза. Не получилось.

– А вы об этом не знали? – не удерживаюсь от язвительности.

– Мы не сковываем инициативу служащих, – с достоинством отвечает Гильермо. – Ситуация пока не критическая.

Он прав, конечно. Но у меня возникает легкая невнятная тревога. Кто он, влипший в неприятности игрок? Президент США, Папа Римский, Дмитрий Дибенко?

– Кто он? – спрашиваю я вслух. Гильермо пожимает плечами.

– Это неизвестно...

– Вы не контролируете пользователей?

– Мы – центр развлечений, а не КГБ, – со вкусом отвечает он. – Информация может быть похищена. Как вы думаете, обрадует солидного директора корпорации или арабского шейха статья в газете про его похождения в нарисованном мире?

– Ну и что...

– Для вас – ничего. Простой человек будет смеяться. А солидные люди очень-очень не любят, когда над ними смеются!

– Вы можете отключить его вручную?

– Как?

Действительно, как? Даже если отследить линию, по которой игрок вошел в «Лабиринт», и оборвать связь – ничего не изменится. Человек повиснет в пустоте или мир вокруг него

замрет, как фотография, это уж как его подсознание решит. Все равно что накрыть утопающего непрозрачным колпаком – чтобы не тревожил остальных купающихся.

– И все-таки отследите его канал... – говорю я.

– Это очень сложно. – Гильермо картинно указывает на город за окном. – Там – две тысячи тридцать шесть... простите, уже две тысячи тридцать пять, игроков. Это – две тысячи тридцать пять... нет, теперь семь!.. телефонных линий. Все это поступает на двадцать восемь основных серверов, потом делится на уровни, обрабатывается нашими и арендованными машинами на всех континентах. Мы используем четыре спутника для синхронизации обмена данными. Войти в «Лабиринт» может как абонент Интернета, так и неорганизованный пользователь, позвонивший на один из семисот телефонных номеров компании...

– Понятно, – говорю я. Нет, конечно, отследить Неудачника все равно можно. Но стоять это развлечение будет так дорого, что уговаривать Гильермо бесполезно. – Вы можете вызвать ваших дайверов?

– Они сейчас не в сети.

Тоже понятно. Если они и впрямь пытались вытащить Неудачника целые сутки, то сейчас просто дрыхнут. Один на Украине, другой в Канаде. Может быть, ругаются сквозь сон.

– Хорошо, – решаю я. – Возможно зайти сразу на тридцать третий уровень?

Гильермо отводит глаза:

– Вы давно играли? У вас сохранились записи?

– Нет...

– Тогда вам придется идти с самого начала.

Вот такого я не ожидал:

– Что за ерунда? Все игры имеют служебные каналы для перемещения между этапами! Вы что – исключение?

– Да.

– Но почему?

– «Лабиринт» имеет крупный призовой фонд за установление нового рекорда уровня или скоростное прохождение всей игры.

– Я помню, ну и что... большой фонд?

– Главный приз – полмиллиона долларов. Эти деньги получит тот, кто сумеет пройти все уровни и уничтожить Принца Пришельцев за сорок семь часов пятьдесят девять минут. – В голосе Гильермо начинает звучать рекламная торжественность.

Ой-ей-ей...

Почему я не игрок?

– Это крупная сумма, – зачем-то заметил Гильермо, – да? Любые коды, дающие игроку неуязвимость или полный арсенал и снаряжение, будут вскрыты, когда речь идет о полумиллионе. Любые служебные каналы найдены и использованы. Нам пришлось бы выплачивать призовые суммы часто... точнее – не выплачивать никогда.

– А как же работают ваши дайверы?

– Они предварительно прошли «Лабиринт». У них имеются записи на всех уровнях, во всех опасных местах. Пара минут – и они там, где надо.

Хорошее начало.

– Сколько времени уходит на прохождение к тридцать третьему уровню?

– От двадцати пяти часов – и до бесконечности.

На что, собственно говоря, рассчитывал Человек Без Лица? Если за сутки дайверы «Лабиринта» не сумеют вытащить Неудачника, то его вообще невозможно спасти...

Гильермо молчит, наблюдая за мной.

– По крайней мере я могу получить карты уровней? – спрашиваю я. – Полные карты?

– Нет. Полных карт не существует. «Лабиринт» меняется постоянно и самостоятельно. Ведь это не фильм, не книга, Стрелок. Это целый мир, мир чудес! А чудо не может быть неизменным.

Часть вторая

Лабиринт

00

Портал, через который «Лабиринт» сообщается с остальной *глубиной*, красив. Это исполинская, уходящая в небо арка из черного мрамора. По ней скользят сиреневые искры, а от камня идет неприятный низкий гул, перемежающийся тяжелыми, нечеловеческими вздохами. Проем арки заполнен клубящимся алым туманом.

И в этот туман медленно, как загипнотизированные, идут люди. Нескончаемый поток. Может быть, и не все из них – настоящие, часть просто создана *сисопами* «Лабиринта» для большей торжественности. Но все равно – эффектно.

Вливаюсь в общий поток.

– Эй...

Идущий рядом паренек трогает меня за плечо:

– Как тебя звать?

– Стрелок.

– Я – Алекс.

– Очень приятно... – отворачиваюсь. Но паренек не отстает.

– Ты на первый уровень?

– Да.

– Пошли вместе? Гораздо проще, честное слово!

Оглядываю его. Внешность явно штучной работы, манеры нагловатые, но уверенные.

– Первые пять-шесть этапов пройдем в паре, – продолжает парень. – Они простые, но легче будет втянуться. А дальше, если хочешь, разбежимся. Ну?

– Ладно.

Хлопаем по рукам, идем рядом. Кровавый туман обволакивает, уже ничего не видно. С неба доносится голос:

– Режим?

– Парный вход! – говорит Алекс. – Алекс и Стрелок!

– Парный вход, – повторяю я. – Стрелок и Алекс!

Туман слегка рассеивается. Мы стоим у дрезины, водруженной на ржавые рельсы. На дрезине валяются два комбинезона, шлем-маски, два пистолета. Все наши попутчики куда-то исчезли. Проверяем обоймы, переодеваемся.

– У вокзала будет засада, это непременно, – бормочет Алекс. – Расслабляться нельзя... Ты откуда, Стрелок?

– От мамы с папой.

Больше вопросов не возникает. Встаем на дрезину, начинаем качать рычаг. Старая колымага быстро разгоняется, едем сквозь рассеивающийся туман.

– Стрелок, ты что, Кинга любишь?

– С чего это?

– Ну прозвище... или просто стреляешь хорошо?

– Увидишь.

Мы выезжаем из тумана. Дорога идет по осыпающейся насыпи, впереди – обгоревшее, как рейхстаг после штурма, здание вокзала. Похожесть усиливает развевающийся на куполе красный флаг. То ли деталь антуража – многие западники до сих пор сводят счеты с коммунизмом, то ли, наоборот, кто-то из большевиков решил отметить годовщину революции. Скорее последнее, через три дня – седьмое ноября.

– Сейчас смотри внимательно, готовься, – говорит Алекс из-за спины. – Засада непременно будет. Понимаешь, лишняя обойма всем нужна...

– Понимаю, – говорю я, поворачиваясь. Стреляю два раза, и наведенный уже пистолет падает из руки моего недолгого союзника. Наклоняюсь к нему. Алекс глотает ртом воздух, бессмысленно глядя на меня. Программа дает ему еще секунд пять, чтобы осознать свое поражение.

– Кинга, впрочем, я тоже люблю, – сообщаю я, поднимая его пистолет.

Вот и все. Был у меня пистолет и восемь патронов, стало два пистолета и четырнадцать патронов.

Перекидываю тело через бортик дрезины, под насыпь, на грудь таких же тел. Это я там должен был оказаться, по плану Алекса.

– Я в «Дизматч» играл, когда ты еще до клавиатуры не дотягивался, – беззлобно говорю я вслед. Тело истлеет быст-

ро, часов за шесть. Так уж устроено. Иначе все пространство «Лабиринта» было бы завалено костями.

Вокзал приближается. Смотрю на него, пытаюсь понять, какие изменения произошли с прошлого раза. Кажется, не было вон той башенки в правом крыле.

Дрезина проезжает мимо застывшего поезда, новенького и чистого, с сидящими у окошек людьми. Тела людей покрыты сероватым налетом. Это поезд беженцев, который пришельцы сожгли при попытке покинуть Сумеречный Город. Смотрю на чинно рассевшихся вдоль окошек беженцев. Да. Ламеры вы, дорогие создатели «Лабиринта». Не знаете, что такое настоящая эвакуация и настоящие беженцы.

Перепрыгиваю через бортик, скатываюсь под насыпь. До вокзала пусть доезжают самоуверенные новички. Я лучше ножками... потихоньку.

Так оно надежнее будет.

Первый этап простой по определению. Он должен быть таким, чтобы новички втянулись в игру, поверили в свои силы... чтобы пришли еще и еще раз. Я подхожу к вокзалу со стороны левого крыла, быстро проверяю ряд памятных тайников – в канализационном люке, в трансформаторной будке и в кабине перевернутого, валяющегося поперек путей локомотива. В канализации – пусто, в трансформаторной будке нахожу две обоймы, в локомотиве – завернутый в прозрачную пленку сэндвич. Ни людей, ни монстров пока нет, и это настораживает.

Приближаюсь к одному из боковых входов в здание. Секунду стою перед выбитой дверью, потом резко бросаюсь в нее.

Ага.

На меня кидаются два мутанта – мелких человекообразных демона. Они обросли какой-то зеленой мшистой гадостью, в узловатых гипертрофированных лапах – винтовки. На лице одного сохранились строгие, «профессорские» очки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.